

«ЯЗЫК ПОМНИТ
ВСЕ, В ОТЛИЧИЕ
ОТ ЧЕЛОВЕКА...» 3

Беседа с писателем
Александром Иличевским

ОТ ЧЕГО НЕ
ЗАРЕКАЕТСЯ
ГЕНРИХ ПАДВА
6

ФАРЛИ
МОУЭТ —
ДРУГ ВОЛКОВ
19

#25
(2323)

книжное обозрение

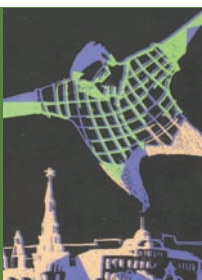
WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 ПАПА,
ДОЧКА
И ПРУСТ

Туре Ренберг о норвежских
семейных ценностях

5 БЫЛИНЫ
О ТАЛОНАХ
И СТРАНСТВИЯХ

Энциклопедия перестроечной
жизни от Натальи Арбузовой

7 ВО ЧТО
ПОИГРАТЬ
С ПРИВИДЕНИЕМ

Урс Видмер учит
не бояться смерти

НОВОСТИ

Мировая десятка года

Представив в конце октября Топ-100 самых интересных книг 2011 года, The New York Times сузило этот список до десяти лучших.

В десятку вошел дебютный роман американского автора Чедда Харбача «Искусство филдинга». В центре повествования — студенческая бейсбольная команда, достигающая все большего успеха с появлением нового, чрезвычайно одаренного игрока.

В романе «11/22/63» короля ужасов Стивена Кинга рассказывается о временном портале, через который учитель английского языка проникает в 1958 год, чтобы предупредить убийство Джона Кеннеди.

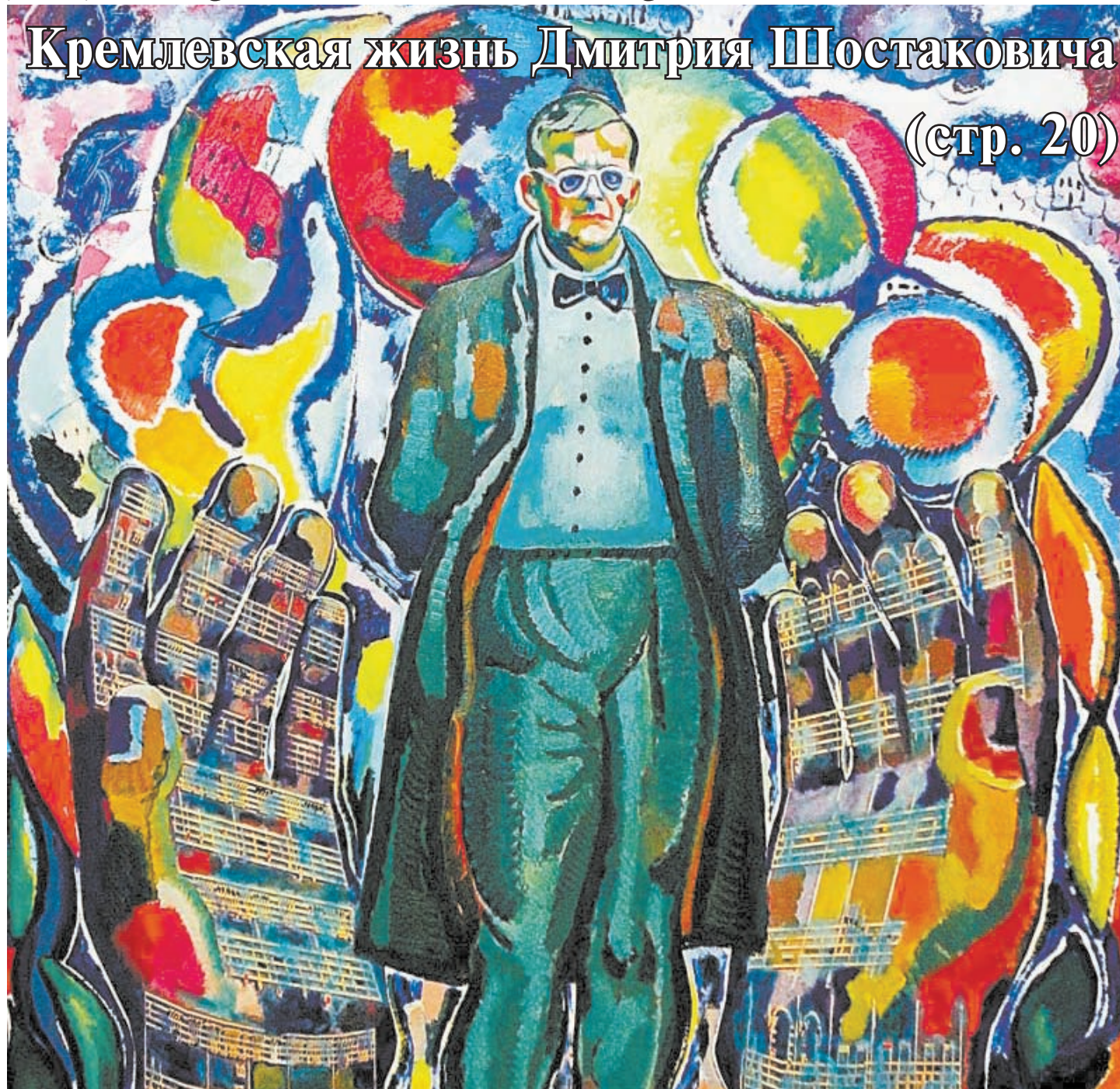
Парк аллигаторов, призрак-любовник, путешествие в мангровых джунглях — все это в первом романе Карен Рассел «Свампландия». В романе «Десять тысяч святых» Элеонор Хендерсон прослеживаются судьбы героев с 1987-го до 2006-го. Книга Теа Обрехт «Жена тигра» рассказывает о войне на Балканах, на фоне которой переживания героини переплетаются с фольклорными сказаниями ее деда.

Сборник эссе американского журналиста и писателя Кристофера Хитченса «Спорное» содержит более ста эссе на различные темы — от Гарри Поттера до Афганистана. «Мальчик на Луне» — «путешествие отца с целью лучше понять своего необычного сына», — Ян Браун в этой книге рассказывает о своем сыне Волкере, рожденном с редкой генетической патологией. Книга «Малькольм Икс» — о жизни американского борца за права чернокожих. Мэннинг Марабл писал эту историю больше десяти лет — и ушел из жизни в апреле этого года. Психолог и нобелевский лауреат Даниэль Канеман в книге «Рассуждать быстро и медленно» утверждает: мы переоцениваем важность того, о чем думаем. Еще мы неточно вспоминаем прошлое и неверно оцениваем то, что сделает нас счастливыми в будущем. А роман историка Аманды Форман «Мир в огне» повествует о роли Британии в американской гражданской войне.

Депутат от музыки

Кремлевская жизнь Дмитрия Шостаковича

(стр. 20)

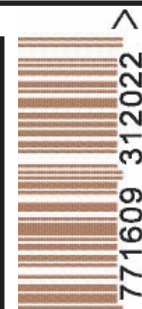
Читайте в следующем выпуске «PRO»:

Ведущие игроки книжного бизнеса России подводят итоги 2011 года.

Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии

«Книжного обозрения», распространяемого только по подписке.

Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 26 декабря с.г.

НОВОСТИ

книга недели

Ужас человечности

Один из бесчисленных признаков классификации книг заключается вот в чем: одни более или менее удачно паразитируют на истории, другие — создают для нас ее образ. «Благоволительницы» Джонатана Литтелла принадлежат ко второй категории. Если продолжить классифицировать, то это произведение из аристократического племен толстенных-и-трудноосваиваемых-книгна-нелегкую-тему-которые-тем-не-менее-обязательно-нужно-читать. Когда лет через 80–90 наши внуки примутся составлять списки самых-самых романов XXI века, «Благоволительницы», скорее всего, там будут.

Литтелл Д.
Благоволительницы
/ Пер. с фр.
И.Мельниковой.
М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
— 800 с. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-91103-095-7

Перед нами широкопанорамный взгляд на Вторую мировую с «той стороны силы» — глазами офицера СС Максимилиана Ауэ, неприятиятельного юриста и аналитика СП, волей судьбы и начальства брошенного на решение еврейского вопроса в тылу армии Рейха и, раз уж так оно повернулось, старающегося делать свою работу хорошо. Будь этот невероятно детальный, чуть не лопающийся от бытовых подробностей, фактов и цифр роман исповедью раскаявшегося грешника или бравадой негодяя, было бы легче. Но, увы, «Благоволительницы» — безжалостная история об ужасе человечности, не пафосно-сентиментальной, а самой обычной, сермяжной. Это показательное вскрытие чрева исторического монстра, внутри которого без усталы бегают и крутят колесики тысячи и тысячи маленьких человечков, чудовищных в своей глубинной неотличимости от нас с вами. Удивительно, как этот карнавал трагического натурализма живет совершенно полноценной жизнью в постмодернистском повествовании, прихотливо играющем россыпью реминисценций — на Вторую мировую Литтелл отправил миф об Оресте, «Балладу о повешенных», «Фауста», «Человека без свойств» и даже «Героя нашего времени». Хотя... у Гомера сочетаются столь же мало сочетаемые вещи. Эпос меняется, и эта страшная, тяжелая, неполиткорректная книга — одно из потрясающих проявлений его онтологических величия и красоты.

Мария Мельникова

Делай, что должно...

12 декабря в Москве состоялась торжественная церемония награждения лауреатов и финалистов премии «ПолитПросвет» за 2011 год. Премия за заслуги в области политического просвещения в этом году вручается впервые. Лауреатами конкурса стали создатели проекта «Гражданин Поэт» — продюсер Андрей Васильев, поэт Дмитрий Быков и актер Михаил Ефремов. Кроме того, специальная премия «Просветитель от Бога» по единогласному решению жюри была вручена Евгению Ясину. Как подчеркнул основатель премии Дмитрий Зимин, это решение жюри было связано с желанием задать некий эталон для дальнейшего развития премии. «Очень важно учить людей, что жить нужно в цивилизованном обществе, — отметил в своей речи после получения награды Ясин. — Последние 7–8 лет я пребывал в глубокой печали и уверенности, что демократия в России не состоялась и, видимо, не очень нужна. Но сейчас оказалось, что есть надежда. И есть необходимость говорить и писать о политической ситуации. Я повторяю слова Сахарова: делай, что должно — и будь что будет. И тогда мы все увидим результат».

В этом году на звание лучшего «политического просветителя» также претендовали: Василий Головин, специальный корреспондент ИТАР-ТАСС в Японии; Юлия Латынина (программа «Код доступа», радиостанция «Эхо Москвы»); Юлия Мучник, Андрей Филимонов, Виктор Мучник (программа «Час Пик. Суббота», ТРК ТВ—2, Томск); Алексей Навальный (публикация «Единая Россия подает на меня в суд» в блоге).

Конкурс «ПолитПросвет» с 2011 года проводится Фондом «Либеральная Миссия» при финансовой поддержке Дмитрия Зимина. Цель премии — привлечь внимание общества к журналистам, публицистам и блогерам, которые своими публикациями вносят вклад в политическое просвещение россиян и систематически проясняют текущую ситуацию в России и в мире. В состав жюри вошли основатель премии «ПолитПросвет» Дмитрий Зимин, главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов, главный редактор «Новой газеты» Дмитрий Муратов и председатель жюри — экономист и политик Сергей Алексашенко.

Победители конкурса в этом году получают денежное вознаграждение в размере 720 тысяч рублей. Размер специальной премии составил 500 тысяч рублей. Работы всех финалистов уже опубликованы в эксклюзивном сборнике с DVD. Первые экземпляры этого издания получили в подарок финалисты и лауреаты премии. В ближайшее время книга будет бесплатно разослана по российским вузам и библиотекам.

Русская Лаура

Вечером 12 декабря в Риме Ольге Седаковой вручили первую поэтическую премию Данте Алигьери, учрежденную культурным центром Laurentum. Эта премия вручается поэтам и литераторам за вклад в искусство, «опытное как поиск предназначения», и за их произведения, которые своей культурной ценностью выделяются в поэтическом и литературном контексте.

Издания, отрецензированные в номере

«Так хочется мир обнять»: О.Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения	10
Акройд П. Исаак Ньютон. Биография	15
Амманити Н. Я заберу тебя с собой.	7
Арбузова Н. Тонкая нить: Повести и Рассказы	5
Бахтерев И. Возможно пять	10
Видмер У. Господин Адамсон.	7
Витхамар А. Энциклопедия русской иконы. История, сюжеты, школы, художественные особенности.	15
Володихин Д., Прашкевич Г. Братья Стругацкие	16
Габриэлян Г. Tango Argentino.	20
Гессе Г. Магия красок.	15
Грушина О. Жизнь Суханова в сновидениях.	5
Давыдов Д. Марш людоедов	8
Дворниченко О. Москва. Кремль. Шостаковичу	20
Добычинский сборник—7.	10
Довлатов С. Жизнь и мнения. Избранная переписка.	10
Дюрас М. Вице-консул.	7
Иван Лубенников: В 2-х книгах. Книга 1: Работы в архитектуре. Живопись; Книга 2: Книга для чтения	24
Каплонский И. Ангелы Монмартра.	15
Кожурин К. Протопоп Аввакум	15

Коневская А. Под знаком Рониуса.	10
Кутенков Б. Жили-боли	8
Мир глазами блоггера.	15
Мудрость — праведность — святость в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. статей.	10
О'Киф С.Х. Чудовище Франкенштейна	16
Падва Г. От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката	6
Пушкарева Н. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. Невеста, жена, любовница	9
Рауниг Г. Искусство и революция: Художественный активизм в долгом двадцатом веке	10
Ренберг Т. Шарлотта Исабель Хансен.	4
Степанков В. ГКЧП: 73 часа, которые изменили мир	6
Танакон А. Как рожали русские царицы. Акушерские истории династии Романовых	9
Филимон А. Чародей Петра Великого	15
Холмогорова Е. Граница дождя	5
Шедевры русской поэзии. Вторая половина XX века: Хрестоматия	10
Юренева Т. Музеи мира: История и коллекции, шедевры и раритеты	15

Григорьевская поэтическая

14 декабря, в Санкт-Петербурге, в галерее «Формула» лофт-проекта «Этажи» состоялось объявление лауреатов второго сезона Григорьевской поэтической премии. Награда была учреждена в прошлом году с целью увековечивания памяти петербургского поэта и драматурга Геннадия Григорьева (1949–2007) и поощрения творчески близких ему стратегий и достижений в современной русской поэзии. Церемонию открыл поэтический слэм, участие в котором приняли 14 поэтов. Победителями состязания стали петербургские поэты Вера Мелихова и Ирина Дудина, получившие призы размером \$1000 и \$500 соответственно.

Лауреатов Григорьевской поэтической премии выбирало жюри тайным голосованием по принципу «консенсус минус единица». В состав жюри вошли критик Виктор Топоров, поэты Николай Голь, Алексей Ахматов и Евгений Мяскишев, писатель Сергей Носов. Обладателем третьей премии и приза \$1000 стал московский поэт Игорь Караулов. Вторая премия и \$2000 достались петербургскому поэту Валентину Бобрецову. Лауреатом первой премии стал киевский поэт Александр Кабанов. Денежная составляющая первой премии — \$5000. Третий сезон Григорьевской поэтической премии откроется в сентябре 2012 года.

Русские за рубежом

Оргкомитет литературного конкурса «Русская Премия», в котором участвуют русскоязычные писатели, живущие за рубежом, закончил прием работ и насчитал 549 заявок от авторов из 40 стран мира. Наибольшее количество произведений зарегистрировано в номинации «Малая проза» — 170 сборников рассказов и повестей. В номинациях «Крупная проза» и «Поэзия» зарегистрированы 154 романа и 166 поэтических сборников. Наибольшее количество заявок поступило из Украины, США, Казахстана, Германии и Израиля. На соискание специального приза оргкомитета и жюри конкурса «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации», учрежденного в 2010 году, выдвинуто 15 номинантов из семи стран мира. Во второй половине декабря к работе над предварительно отобранными и отрецензированными произведениями приступят члены жюри «Русской Премии» под председательством главного редактора журнала «Знамя» Сергея Чупринина. В состав жюри конкурса 2011 года входят: писатель и публицист Александр Архангельский (Россия), писатели Герман Садулаев (Россия), Андрей Курков (Украина) и Елена Скульская (Эстония), литературный критик и переводчик Борис Кузьминский (Россия) и поэт, главный редактор журнала «ШО» Александр Кабанов (Украина). Впервые в работе жюри принимает участие известный поэт, писатель, эссеист Сергей Гандлевский. Лонг-лист претендентов на «Русскую Премия—2011» будет опубликован в феврале следующего года. Шорт-лист — в марте, а победители будут названы на VII Церемонии награждения лауреатов конкурса, которая состоится в Москве в апреле 2012 года.

Выбор редакции

1 Незаметно мы перевалили за первое десятилетие третьего тысячелетия. Новый том проекта «Намедни» посвящен его первой половине — эпохе удвоения ВВП, «Дома-2», офисного планктона, гламура, терактов, потребительского бума. Хроника начала нулевых наименее связана с телеверсией — последних лет в ней не было вовсе.

Парфенов Л.
Намедни. Наша эра.
2001–2005.
М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2012.
— 224 с.

2 Впервые на русском — поучительная история Габриэля Гарсиа Маркеса о том, что бывает, когда молодые симпатичные священники берутся за спасение души предположительно одержимых бесами девушек, а окружающие подзабывают старинную испанскую поговорку: «Если огонь к пороку подносят, добра не жди».

Маркес Г.Г.
О любви и прочих бесах / Пер. с исп. М.Былинкиной.
М.: Астрель, 2012. — 221 с.

3 Новый роман отрады утонченных интеллектуалов Мишеля Уэльбека повествует, как обычно, о незавидной судьбе современного общества — и человека, в нем прозябающего. Рядом с вымышленным главным героем, непростой судьбы художником Джемом Мартином, по страницам гуляет и сам месье автор — впервые приоткрывающий для читателей свою жизнь.

Уэльбек М.
Карта и территория / Пер. с фр. М.Зониной.
М.: Corpus, 2011. — 480 с.

александр иличевский

персона

«Полезно обнулить себя, сделать перезагрузку...»

Беседовал Дмитрий Лисин

Александр Иличевский написал новый роман «Анархисты», завершающий трилогию «Матисс» — «Перс» — «Математик». Тетралогия будет называться «Солдаты Апшеронского полка». Об этом, а также о Велимире Хлебникове, Григории Перельмане, провалах во времени и предельной достоверности ужаса — рассказывает писатель в предлагаемом вашему вниманию интервью.

— В романе «Перс» самые яркие, «ощущательные» страницы связаны с детством. Вообще, именно «Перс» кажется системообразующим в трилогии. Чем «Анархисты» отличаются от этого романа?

— То, насколько важен для меня роман «Перс», стало ясно, когда я закончил «Анархистов» — последний из четырех связанных между собой романов. «Матисс», «Перс», «Математик» и «Анархист» — вот такая цепочка. Все вместе будет называться «Солдаты Апшеронского полка», то есть это протоназвание для «Перса» все же пригодились. Новый, хотя и извлеченный из протоматерии черновиков роман «Анархисты» получился классическим романом, с очень динамичным сюжетом, ужасными героями, любовной историей. Это было большим облегчением. Четыре романа написаны в высоком темпе, потому что они все являются одним произведением. Они все о людях, совершивших самосожжение, но пытающихся возродиться. Все герои, как и геолог в «Персе», бросают все на свете, вспоминают детство, каждый из них общается со своим другом, со своим альтер-эго.

— Иногда кажется, что герои «Перса» начнут серьезно обсуждать свои перевоплощения, так они сильно связались с Хлебниковым и его временем.

— Да, герои романа подсади на дневники Хлебникова и энквэдэшника Абиха, подбавившего за Хлебниковым все выпавшие из наволочки листки — в надежде рапортовать партии о победе над временем. А перевоплощению подобен театр Штерна, в котором они, герои романа, в юности принимали участие, — театр важен, потому что проблема вживания в образ — самая главная в этом возрасте. Ступеньки, костыли для подражания важны.

Хлебников был для меня в юности идеальным поэтом. У него не было конкурентов. Конечно, существовали еще Бродский и Парщиков, и, по большому счету, только они для меня обладали поэтической властью, хоть как-то сравнимой с мощью Хлебникова. У него есть неумирающая великая бескорытность.

— Наверное, до сих пор ни Хлебников, ни обериуты не вошли в литературную жизнь изнутри, развитие прервалось вместе с ними.

— Знаете, как строится железная дорога? Огромные железные штуки, грейдеры, чешут через лес и все срезают подчистую. Хлебников был грубым и мощным механизмом,

который шел через язык. Он дал огромную свободу авангардному движению, работая на грани примитивизма. Ему мог бы подражать кто угодно, если бы «железнодорожник» не был столь искусен. У Михаила Гаспарова есть работа о «Зангези», где он говорит, что там есть огромное количество имен — имен богов. Это читается как заумь и набор звуков, а Гаспаров показывает, что это — знание мифологии и огромная начитанность Хлебникова. Так и проявляется искусство: когда в звуках, поначалу абсурдных, содержится мифология ацтеков, к примеру. Смысл как понимание в ауре тайны — это всегда возможность для развития других людей и поэтов. Поэтому Хлебников всем развязал руки.

— А как же копье Хлебникова и обериутов долетело до нас?

— Долетело и вонзилось в язык. Язык сохраняет все. Есть огромный провал между Платоновым, Олешей, Бабелем — и нынешним временем. Этот провал не заполнится даже Леонидом Леоновым, да он и не писал 40 лет, обдумывая свою гигантскую «Пирамиду». Тем не менее, язык помнит все, в отличие от человека.

Для сравнения можно смотреть на американскую литературу, которая всегда имела здоровый вид. Там есть титанические фигуры, в поэзии и прозе, соединившие смысл, звучание и сюжет. Можно считать это результатом непрерывного развития, без провалов и забвений. Чего и нам на будущее желаю.

— А «Математик» — это отклик на историю с Перельманом? (Прим.: Г.Я. Перельман, российский математик, который доказал теорему Пуанкаре и отказался от присужденного ему миллиона долларов.)

— Писать роман о Перельмане невозможно, поскольку мы о нем ничего не знаем, это абсолютно герметичный человек. Книга написана в том числе и потому, что о таких людях, как Перельман, ничего не известно в принципе.

А вот «Анархисты» — это история про некоего финансиста, который всю жизнь был художником-любителем, но в 40 лет уехал строить дом в место, где много писал Левитан. Он абсолютно заморожен левитановской работой, ходит вдоль Оки, мимо старых усадеб, южнее Тарусы, пытается найти те точки, где Левитан писал пейзажи и «Дом с мезонином», стремится повторить все его картины. Вот такое перевоплощение. Тут следует учесть, что я занимаюсь не документальной, но достоверной прозой.

— Но ваши герои не помещаются в какой-то один ракурс рассмотрения, они все немножко двойственные...

— Всегда интересно пересмотреть самого себя. С одной стороны, кажется, что ты был всю жизнь одним и тем же, таким, каким был в детстве, с другой — полезно обнулить себя, хотя бы чисто гипотетически, сделать перезагрузку. Помню ужасный момент детства, когда я шел за молоком, с бидоном в руке, и вдруг мне представился я сам как шар, абсолютно твердый и не уничтожаемый. Это была некая элементарная субстанция, из которой состоял несжимаемый шар. Потом, удивительное дело, я это встретил у Хармса, который «вынимал из себя шар». Более того, Перельман, по большому счету, работал именно с геометрическими образами. Если надо изобразить суть сделанного Перельманом доказательства гипотезы Пуанкаре, то надо нарисовать сферу. Вопрос в том, чтобы нащупать в себе этот несжимаемый шар, похармсовски вынуть его из себя, рассмотреть.

— И как это связано с детством на Апшероне? В смысле, как вспомнить детские ощущения?

— Ничего не забыто, вот в чем секрет. Учителем такой незабываемости в русской литературе лично для меня является Олеша. У него, собственно говоря, в каждой строчке присутствует усилие увеличительного стекла. Он берет и из каких-то разрозненных примет выстраивает мир, и, что самое интересное, именно благодаря приметам этот мир выглядит живым. В одном месте он пишет: я мыл руки, вдруг, в поисках полотенца, ощущая теплые капли на пальцах, вспомнил, как в юности покупал, идя на свидание, букетик фиалок, как вынул их, расплатившись, из сосуда с водой, а теплые капли стекали со стебля.

— В поисках утраченного времени.

— Да, да. Приметы становятся онтологией. Есть такая замечательная история. Искусствовед и философ Карл Гинзбург обнаружил, что существует гигантская проблема подделки картин, существует человек, предьявивший миру десяток неизвестных Вермееров. И ни один из экспертов не мог отличить одно от другого. Какие объективные признаки подлинности? Гинзбург выяснил, что наиболее эффективным способом определения подлинности является отслеживание примет в стиле. Приметы стиля говорят, что манера выписывания уха, к примеру, может быть другой — на уровне мазка кистью. Полу-

чается, что примета устремлена к подлинности, она и есть подлинность, реальность, а суть и смысл легко подделываются.

Так вот, когда я вернулся на Апшерон спустя 17 лет, то вернулся я за приметам. На перекрестке, где прошло детство, торчала труба из асфальта, затертая, блестящая даже при свете луны. Как только ее увидел, все стало на свои места. Можно разрушить дом, но труба будет торчать. Я был потрясен, это было мрачайшее ощущение, когда увидел то же самое дерево, по которому лазил, ту самую персидскую сирень — «лисий хвост»... Но при этом нет людей. В этом мире прошлого абсолютно прозрачно все, как будто залито толстым слоем стекла. Похоже на эффект нейтронной бомбы, когда приметы есть, а людей нет.

— Как при встрече одноклассников. Походка и жесты те же, но где тот школьник?

— Взрослая жизнь залита стеклом. У Борхеса замечательный образ, память Фуэнса — проклятие человека, помнящего все. Он мог погрузиться в разглядывание листочка и разматывать весь клубок памяти. Дело в том, что перцептивные возможности очень ограничены. Возможны провалы во времени. Когда мы переводим взгляд, отторгаются неустойчивые ощущения «бокового» зрения, а вместе этого отторгнутого ощущения помещается «заставка», рамка восприятия, сгенерированная автоматически. Отсюда у нас диссонанс — множественность ощущений и восприятий при невозможности их вспомнить.

— Главное всегда пропущено?

— В романе главное — сохранить ощущение, ведь взрослая жизнь пуста, я не могу вспомнить последние десять лет, все поездки в Крым, это слилось в одно событие. Роман «Ай-Петри» — это поездка в Крым на исходе юности, когда это еще существовало в памяти как отдельная вещь.

— Какая самая для вас страшная книжка, связанная с российской историей?

— «Жизнь и судьба» Гроссмана, когда мне стало понятно, что происходило. Самый страшный, конечно, Шаламов. Я читал и «Один день Ивана Денисовича», это вещь серьезная, но Шаламов — это что-то невероятное, это был совершенно сверхъестественной силы писатель. Олеша мерился с Катаевым, у кого черт сильнее, так вот у Шаламова этот черт, дар писательства, вдохновенность, больше, чем у всех остальных вместе взятых, писавших и пишущих о ГУЛАГе.

4 Вот и Борис Акунин выпустил блокнот. Однако это не традиционные для ЖЖанра «взгляд и нечто», а сборник годами накапливавшихся в портфеле историка миниатюр — сам автор называет их «дней старинных анекдоты в авторской интерпретации и непременно с пояснением, почему они кажутся мне интересными/важными/актуальными».

Акунин Б.
Любовь к истории.
М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. — 304 с.

5 Приключения одного из самых знаменитых котов на планете продолжают. На сей раз в доме у кота Саймона случился настоящий природный катаклизм — там завелось нечто чудовищное, и имя ему — КОТЕНОК. Получится ли из кота Саймона папа? Если да, то какой? И устоит ли вообще дом?! Ответы — в новой книге Саймона Тофилда.

Тофилд С.
Кот Саймона. Книга 3: Испытание котенком.
М.: Гятри, 2011. — 240 с.

6 О феномене Иосифа Бродского рассказывает Бенгт Янгфельдт — известный шведский писатель, ученый, автор многочисленных трудов по русской культуре, издатель и основной переводчик произведений Бродского на шведский язык.

Янгфельдт Б.
Язык есть бог. Заметки об Иосифе Бродском / Пер. со швед. А.Нестерова.
М.: Астрель, Corpus, 2012. — 368 с.

7 Давным-давно в далекой галактике... пардон, в Кембридже Стивен с пользой проводил свою юность и медленно превращался в того самого актера, писателя и просто человека-феерию, которого мы ныне знаем и любим. Подробности — в продолжении «Моава — умывальной чаши моей», второй части увлекательной автобиографии Стивена Фрая.

Фрай С.
Хроники Фрая / Пер. с англ. С.Ильина.
М.: Фатом Пресс, 2011. — 544 с.

Туре Ренберг

рецензии

У меня завелась Barbie-girl

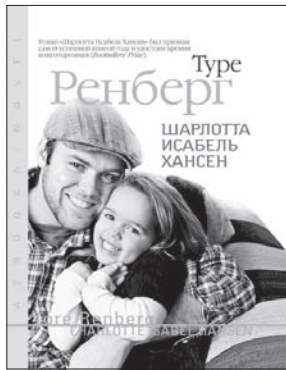
Вспомните приключенческую фэнтези: чем можно гарантированно сбить с панталыку сурового героя, не горящего в огне, не тонущего в воде и не плачущего лука? Правильно — неожиданно сваливающейся на его непробиваемую голову маленькой девочкой, о которой надо... — как это называется то? — заботиться! Однако крошить гоблинов — оно как-то полегче было... Что бы ни говорили социологи о меняющихся гендерных ролях, история о том, как мужчина-который-гуляет-сам-по-себе учится быть папой, еще долго останется одним из наших любимых героических сюжетов. Ну, и комических, разумеется. В папо-сказке Туре Ренберга — популярного норвежского писателя, только начинающего издаваться у нас, — смешное и мрачное смешано практически в иде-

альной пропорции. А без драконов, гоблинов и постапокалиптических миров, оказывается, можно и вовсе обойтись.

Аспирант Бергенского университета, подающий большие надежды исследователь ономастики Пруста и просто смешной самоуверенный зануда Ярле Клепп не имел при себе ни меча, ни волшебных артефактов, но суровым героем, несомненно, был — рыцарем европейских 1990-х. Академический юноша, живущий в эпоху образовательного бума и фанатичного преклонения перед молодостью, он твердо намеревался посвятить жизнь сугубо странствиям по лабиринтам литературоведческой мысли, хмельным возлияниям, ничем не отягощенному сексу и гордому осознанию своей интеллигентской крутизны. Семилетнее дитё женского полу с рюкзачком в форме ябло-

ка и пластмассовой лошадкой в руках в планы Ярле не вписывалось — однако именно такое дитё в один прекрасный день ему пришлось встречать в аэропорту. Ибо было оно его родной дочерью, плодом пьяного секса с почти незнакомой девушкой на подростковой вечеринке, и звалось Шарлотта Исабель Хансен. Зачем ее мамочка (работающая теперь кассиршей в супермаркете, ужас-ужас-ужас) ждала семь лет, чтобы сообщить Ярле о ее существовании и потребовать «показать себя мужчиной» и провести с дочерью неделю, Ярле так и не понял. А девочка хотела прыгать на диване, смотреть по телевизору похоронный принцессы Дианы, петь «I'm a Barbie-girl in the Barbie world» и чтобы папа делал то, что положено делать нормальным папам. И через несколько дней у нее был день рождения.

Секс имеет последствия! Об этих последствиях надо заботиться! При решении возникающих в связи с этим онтологических и гносеологических задач Пруст беспомощен! Звонить маме нельзя — он же взрослый! И он не умеет устраивать дни рождения! Да он вообще не умеет веселиться — он же литературовед!!! Ох, нелегко быть юным глупым интеллигентом, чей мир только что треснул напополам при столкновении с реальностью. Еще сложнее дурацкому рыцарю 90-х, растерявшему детскую непосредственность, но не научившемуся взрослой ответственности, вновь открывать в себе первое и с большим опозданием обрести второе — ведь именно это и значит быть папой. Выучить имена девушек из Spice Girls. Призвав на помощь монографию Бахтина о карнавальной культуре, организовывать бал-маскарад. Выяс-

Ренберг Т. Шарлотта Исабель Хансен / Пер. с норв. А.Ливановой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. — 448 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-389-02654-4

нить, почему все-таки мать так срочно отправила Шарлотту Исабель одну к совершенно незнакомому человеку — тут смешное уже заканчивается...

«Шарлотта Исабель Хансен» наверняка понравится тем, кто задумывался над «Наивно. Супер» Эрлен-

да Лу. Эта история, мягко лавирующая между комедией положений и социальной драмой, — еще одна чудесная скандинавская сага о Человеке и Возрасте, который есть не число прожитых лет, а нечто гораздо более прекрасное и сложное. У каждого своя тропинка в волшебной стране времени, тропинки эти пересекаются и заплетаются в клубок, на распутывание которого может уйти много сил и слез. Одни выбирают служение мысли и вечное детство, другие становятся мамами, еще не окончив школу, и не жалеют о своем выборе, третьи ищут золотую середину, четвертые — те, кто принадлежит к великому поколению бабушек — пытаются им помочь. И от того, поймут ли все они друг друга, зависит, какими вырастут девочки, пока что беззаботно поющие, что они Barbie-girl in the Barbie world.

Норвегия — детская площадка

Во время своего визита в Москву Туре Ренберг специально для читателей «КО» рассказал о писательской кухне и возрастном самосознании европейцев.

— Главный герой вашего романа, катастрофически оторванный от реальности прустовед Ярле Клепп, был задуман как социальный курьез, типичный представитель норвежской интеллигенции или ваше alter ego?

— Я из тех писателей, которые не могут писать о том, чего они не видели и не переживали. С фантазией у меня плохо. Ярле одного со мной возраста, мы уроженцы одного города, Ярле учился в том же университете, что и я, писал диплом на ту же тему. Ярле — в некотором роде мой выдуманный брат. Кроме того, он — своего рода экспериментальная площадка, на которой я проверяю, что могло бы со мной случиться в определенных обстоятельствах, как могла бы повернуться моя жизнь и как отреагировали бы на это окружающие. Например, что будет с этим очень похожим на меня героем, если на голову ему вдруг свалится семилетняя дочка, о существовании которой он и не подозревал.

— А «в реальности» у вас есть дети?

— Да, двое сын четырех лет и восьмилетняя дочка. Но я их не по почте получал!

— Действие «Шарлотты Исабель Хансен» разворачивает-

ется в конце 1990-х, можно сказать, в другой эпохе. На ваш взгляд, как с тех пор изменилось «возрастное самосознание» европейцев? Обожествление молодости идет теми же темпами?

— С 90-х ситуация только ухудшилась. Если судить по Норвегии, молодость стала в некотором роде новой религией.

— «Кидалты» и движение child-free вам, наверное, идейно не близки?

— Когда люди откладывают свое взросление до 30–40 лет, а то и до возраста, который уже можно назвать пожилым, и вся Норвегия превращается в одну большую детскую площадку — это неприятно и глупо. Молодость прекрасна тем, что она проходит.

— Эта инфантилизация — симптом упадка или просто

одна из метаморфоз общества?

— Я не могу предвидеть будущее — в задачу писателя это и не входит, он должен как можно более хорошо и точно отражать то, что происходит сейчас. Но как человек я считаю, что это прискорбно, когда люди начинают концентрироваться на одной фазе своего развития, закрывая глаза на остальные.

— Ваш роман, мягко говоря, не прославляет академическую интеллигенцию. Какую роль она играет в жизни современной Норвегии?

— Ну, «Шарлотта Исабель Хансен» — в некотором роде сатира о том, насколько человек может быть ослеплен иллюзорной академической жизнью. Но если говорить о реальной роли интеллигенции в Норвегии, то некоторое время назад произошел обра-

зовательный взрыв. Я родился в начале 70-х и был первым в семье, кто получил высшее образование, а сейчас практически все молодые люди после школы идут в университет. Из места для немногих университет превратился в «общее место» — в этом есть и хорошие, и плохие стороны.

— Надо заметить, Ярле творчески использовал научный труд Бахтина, чтобы наладить отношения с дочерью, да и не только с ней. А вам случалось находить такое практическое применение научным трудам?

— Ну, может, это было с его стороны и креативно... но все-таки глупо. Что касается меня, то могу вспомнить, как в 20 лет я вдохновился авангардистами, и мы с товарищами организовали свое движение и стали осуществлять в Бергене культурную революцию: обряжались, как Маяковский, во всякие красочные одежды, сидели в кафе и декламировали сюрреалистические стихи.

— Хорошие стихи были?

— О нет! И продлилось все это месяц или два. Но вообще я очень открыт искусству и всей душой верю, что оно оказывает огромное влияние на нашу жизнь. Помню, однажды, когда мы с семьей путешествовали, познакомились в поезде с женщиной-румынкой с литературным именем Мариука. Режим Чаушеску только-только пал, и она рассказала, что един-

ственное, что поддерживало ее семью в те страшные времена — то, что каждый день перед обедом они читали страницу из романа.

— Тема ребенка, которого взрослым полезно обнаружить в себе, явно роднит вашу книгу с произведениями Эрленда Лу. Как вы к нему относитесь?

— Я восхищаюсь Эрлендом Лу — его необычностью, способностью всегда преподносить читателю сюрпризы. Но себя я рассматриваю как продолжателя классических литературных традиций, мои вдохновители — Флобер и Достоевский, а Эрленд Лу — продолжатель своих собственных традиций. И я очень горжусь тем, что мы с ним коллеги.

— Кстати, вы ведь еще и музыкой занимаетесь помимо изящной словесности. Ваши музыкальное и литературное «я» существуют независимо друг от друга или вступают в какое-то взаимодействие?

— Я посредственный музыкант и хороший писатель. Я играл на скрипке, на пианино, на гитаре — и особо удачным себя в этой сфере не считаю. Однако иметь некий музыкальный опыт для писателя очень полезно, потому что это делает слух более тонким, помогает лучше компоновать текст, чувствовать его ритм. Ведь быть писателем значит быть чутким к тому, что происходит вокруг.

— А литературоведческое и философское образование писателю полезно?

— Образование учит думать, чувствовать, читать. Деррида и Шкловский, которых я изучал в университете, по большей мере забылись, но остались во мне на уровне каких-то моторных реакций, способа мысли, проникновения в литературное произведение. Однако — фигурально выражаясь — если у тебя в одной руке Шкловский, а в другой ребенок, что ты выпустишь первым?

— Открытый финал «Шарлотты Исабель Хансен» заставляет беспокоиться о судьбе Ярле...

— Ну, учитывая характер Ярле, можно с уверенностью сказать, что в будущем он наделает еще кучу ошибок. И о них очень интересно писать.

— Расскажите немного о других ваших романах о Ярле.

— Первый мой роман о Ярле рассказывает о тех годах, когда он был старшеклассником, влюблялся, играл в рок-группе, и называется «Человек, который любил Ингве». Ингве — это, кстати, мужчина. Второй роман — «Компания Орхейм» — о его детстве. Еще есть «Пиксли Мапого» — очень серьезная, мрачная книга о Ярле. И самая свежая книга — «Я и мои старые дни» — о его зрелых годах. Я буду писать о Ярле, пока один из нас не умрет.

Математика России

Юлия Дудкина

Казалось бы, о чем может написать преподаватель математики? О цифрах, примерах, уравнениях. Ну, задачку может интересную придумать. «У Винни-Пуха было три яблока...» — и так далее. А вот и нет, преподаватель математики много о чем может написать. Причем написать интересно, живо — так, что порой и не оторвешься.

«Тонкая нить» — это очень правдивый сборник повестей и рассказов о России. Впрочем, немного странно, что книга считается сборником. Если бы не заголовки, отделяющие один рассказ от другого, можно было бы легко представить, что это все —

одно повествование с единым стилем и общими персонажами. В общем-то, это ничуть не портит книги. Просто вместо сборника повестей это мог быть роман. По сути бы ничего не изменилось — а звучит солиднее. Тем более что Наталья Арбузова по пушкинскому примеру пишет фактически «энциклопедию русской жизни» своей эпохи. Те, кто застал советское время, могут повспоминать вместе с автором железный занавес, бесконечные очереди в магазинах, талоны на хлеб, на папиросы, талоны на талоны... А еще тот долгожданный момент «*пе-ре-мен*» — так пишет о нем Арбузова, вспоминая

известную песню. Момент, на который все надеялись, и который, однако же, прошел не так безболезненно, как видели в своих снах бунтовщики. Те, кто родился позже или слабо помнит это забавное время, могут узнать, как все выглядело. Язык книги стилизован под былинный — непонятно, к чему, но все равно здорово. Необычные метафоры и гротески, встречающиеся в тексте буквально на каждом шагу, удивили бы даже Гоголя. Все это могло бы показаться сложноватым для восприятия, но для удобства читателя повести разбиты на крошечные (иногда действительно крошечные!) главы. Они, кста-

ти, отличаются характерными для выбранного автором шуточно-былинного стиля названиями. Например: «Что говорил тогда мой сын Андрей и что я ему отвечала». Согласитесь, не в каждой книге встретишь подобные названия глав. Кажется, на них стоило бы написать отдельную рецензию.

Автор и рассказчик «Тонкой нити» переплетены так тесно, что, пожалуй, можно смело называть рассказчика автором. На первых же страницах Наталья Арбузова говорит, что книга автобиографическая. И все здесь действительно похоже на правду, так что восхищаться нужно не фантазией автора, а ско-

рее способом повествования. Удивительно, с какой нежностью пишет о своей стране человек, который столько от нее натерпелся. Страстной любительнице путешествий приходится выписывать себе фальшивые командировки и с помощью нелепых уловок проникать на пароходы, чтобы попасть чуть дальше, чем отпускает «*союз нерушимый*». Однако же и об этом она повествует с такой любовью, что кажется — в этом была какая-то особая романтика. Может, так оно и есть. Счастье острее ощущаешь тогда, когда для его достижения приходится побороться с труд-

Арбузова Н.
Тонкая нить: Повести и рассказы.

М.: Время, 2011. — 384 с. — (Самое время!). 1000 экз. ISBN 978-5-9691-0693-2

ностями. Не то, что сейчас — получил визу, сел в самолет, и все. «Земля, прощай! В добрый путь!»

Сны о чем-то большем

Оксана Бек

«Жизнь Суханова в сновидениях» — книга, приятным образом разрушающая стереотипы эмигрантской русской литературы. Ее автор, Ольга Грушина живет, по собственному признанию, «на две страны, две культуры и два языка» — в России и Америке, пишет по-английски. «Жизнь Суханова в сновидениях» стала лауреатом американской литературной премии «Молодые львы», The New York Times включила роман в список самых заметных книг 2006 года, журнал Granta назвал Грушину в числе лучших романистов США — и при этом в романе нет ни экзотических описаний russkoi zhizni, ни обличений sovetskogo rejima, а есть только

Грушина О.
Жизнь Суханова в сновидениях / Пер. с англ. Е.Петровой.
М.: Эксмо, 2011. — 432 с. 5100 экз. (п)
ISBN 978-5-699-52112-8

хорошая философская беллетристика.

Жизнь Анатолия Суханова, маститого критика, главного редактора журнала

«Искусство мира», плавно катилась по 1980-м и входила в торжественный зенит: карьера идет правильным путем, почти не затрагивая сознания карьеристроителя, жена — красавица, умница и по совместительству дочка корифея соцреализма Петра Малинина, двое чудных детей, уютное подабающее счастье номенклатурного быта, а вот на столе уже лежат присланные на сверку гранки с его биографией для БСЭ. Увы, гранкам этим не суждено было превратиться в статью, потому что накрыло почтенного Суханова «на самом интересном месте» какой-то бесовщиной. И не то чтобы свиные рыла или мальчики кровавые в глазах, но как-

то вдруг по всему массиву сухановской жизни пошла нехорошая трещинка, демонстрируя роковые изъяны конструкции. Из тьмы забвения вышел поздороваться друг мятежной молодости — жалкий, не повзрослевший, так и не бросивший всего того, что благоразумно бросил Суханов. Из шкафа пропали все галстуки. «Сверху» потребовали напечатать в журнале хвалебную статью о Марке Шагале, что явственно пахло заговором. В квартиру заявился непонятного происхождения родственник, ведущий неправильные разговоры. Из жизни куда-то исчез один день. Сумасшедший дед с верхнего этажа принялся кидаться горячей

бумагой и вещать о смысле бытия. И все это, вроде бы разрозненное, настойчиво пыталось составить в одну пугающую и совсем не соцреалистическую картину. А самое отвратительное — сны. Коварные, по-прустовски цепляющиеся к ощущениям реальности и настойчиво утягивающие с каждой ночью все дальше и дальше в прошлое, в те самые времена, которые так старательно тренировался забывать. Туда, где был отец-изобретатель летающей машины, похороненный в сугробе альбом с художниками Возрождения — и не было маститого советского критика Суханова, а только мальчик-художник, влюбленный в фантас-

тические цвета, но...

И скрупулезная лирика описаний, и снежным комом нарастающее ощущение, что сейчас в дверь войдет если не Воланд, то кто-то из его замов, и философские диспуты на кухне — все знакомо до слез и детских припухлых желез, но неприятного ощущения пережевывания пережеванного эта старая сказка о Творце и Системе не вызывает. Скорее, на ум приходит любовно сделанный винтаж. Может, и не на сто процентов аутентично, и на языке семантики значит уже не то, что тогда, — но к чувству никаких претензий. Большое и искреннее — без которого историческая память не живет ни в каком виде.

... И носить белое!

Анна Генова

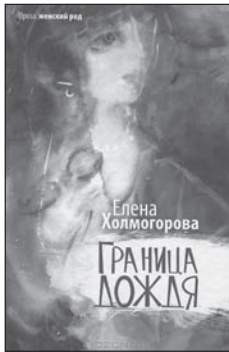
Елена Холмогорова занимается литературой уже тридцать лет, так что она писательница, что называется, маститая. По образованию историк, Елена — автор нескольких популярных книг о России XIX века.

В «Границе дождя» Холмогорова пишет уже о жизни тех, которым за пятьдесят, и у которых есть свое — интересное и яркое — прошлое. Этим интеллигентным дамам, родившимся в центре Москвы, грустно осознавать себя далеко за границей первой половины жизненного пути, далеко за «границей дождя». То вспоминая детство, то обращая свой взгляд на первую — конечно, сумасшедшую — любовь,

Холмогорова уверенно ведет читателя к мысли, что все эти воспоминания — тоже реальность, существующая параллельно жизни каждого человека. «Понятие «творческая интеллигенция» для меня не пустой звук с раннего детства: отец — поэт-переводчик Сергей Северцев, его сестра — детская писательница Софья Прокофьева. Оба они — дети художника Л.Е. Фейнберга, который, рано овдовев, женился на знаменитой переводчице с японского и поэте Вере Николаевне Марковой. Брат Леонида Евгеньевича — пианист Самуил Фейнберг жил в той же огромной квартире, где прошло мое раннее детство, значительная часть которо-

го протекала в уголке между двумя роялями, в комнате, куда приходили заниматься студенты», — рассказывает Холмогорова о своей семье.

Родители главной героини Холмогоровой, Сталины, после смерти Отца Народов поменяли дочке имя на Лина. Жизнь ее — с детства и до старости — лежит перед читателем, как на ладони, в эдакой мини-версии: «Позади осталась зима с объяснениями, весна с разводом, лето с новой свадьбой, скромной, конечно, — второй брак все-таки, и подступила осень». Самое главное начинается, когда у главной героини умирает мать — и вскоре рождает дочь. С появлением внука

Холмогорова Е.
Граница дождя.
М.: АСТ, Астрель, 2011. — 318 с. — (Проза: женский род). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-17-075597-4, 978-5-271-37344-2

Лина не обнаруживает в себе комплекса бабушки. К своему удивлению, жен-

щина понимает, что совсем не хочет присматривать за внуком, а мечтает посвятить время себе, благо появилась возможность сдать квартиру в центре Москвы. Лина «открывает для себя» Оксану Робски, предлагающую своим читательницам статью «*первым поколением счастливых старушек в Москве, как были первым поколением богатых девочек*». Лина понимает, что, хотя ее молодость не была столь гламурна, она сможет нагнать прошлое: «Я буду такой первой старушкой, пусть и одной из поколения. Я не буду зашивать колготки и мыть пластиковые накетты. Я буду делать педикюр и носить белое!»

Женская интеллектуальная проза, в которой не пропагандируются идеи «правильного материнства» и «правильного» осознания себя бабушкой где-то после сорока пяти, в России появилась не так давно. Приятное сочетание не-гламурности, добротности языка — и в то же время идеологический, хоть и скромный, но взрыв для поколения, рожденного еще при Сталине, выделяет книгу Елены Холмогоровой из бесконечного ряда другой «возрастной прозы». «Бабушки» не обязаны вязать носки — это факт. И это помогает с оптимизмом смотреть за границу дождя.

рецензии

мемуары

Информация к размышлению

«Отчего так грустно вспоминать, оборотившись к прошедшим десятилетиям, свои дела, работу свою?» Отчего такое печальное начало выбрал один из самых известных российских адвокатов Генрих Падва для книги своих воспоминаний — не до конца понятно. В голодные военные годы мать, подрабатывавшая шитьем, получила от кого-то из клиентов роскошную коробку конфет. Дед маленького Генриха взял одну из них, а подозрения пали на мальчишку-сорванца. Он видел момент похищения конфеты, но на деда не указал. «Эта обида осталась во мне на всю жизнь. Конечно, не на дедушку, который непонятно почему не признался... Обида осталась на сам факт недоверия и невозможность доказать свою правоту». Прямо ни о чем не говорится, но если «на всю жизнь» — значит, этот эпизод сыграл свою роль в выборе поприща, на котором, в целом довольно успешно, трудится Генрих Павлович.

Автор честен, но о том, какие чувства могут вызвать у читателей его мемуары, он, видимо, не думал. Особенно когда увлеченно рассказывал, как учился в одном классе

с сыновьями маршала Тимошенко, композитора Прокофьева, председателя комиссии партийного контроля при ЦК КПСС Шкирятова. В Московский юридический институт не поступил — и с полученными баллами был зачислен в «недобравший» Минский. Там Генрих «превратился в другого человека: вступил в комсомол, стал активным общественником, начал отлично учиться». Но и на стажировке во Ржеве, и на работе в райцентре Погорелое Городище, проживая в углу крестьянской избы за занавеской, вел жизнь, приличествующую столичному шеголу. О делах, которыми приходилось заниматься, Генрих Падва вспоминает подробно, но — в контексте несовершенств советского законодательства. Так как в случае назначения адвоката судом гонорар взыскивался с подзащитных, которые не горели желанием платить, пришлось договориться с судебной исполнительницей, мол, выйдишь — десять процентов твои... В Москву приезжал за продуктами, да и в столицу возил «то, что там было или втридорога, или вовсе недолго — то гуся, то поросеночка молочного...»

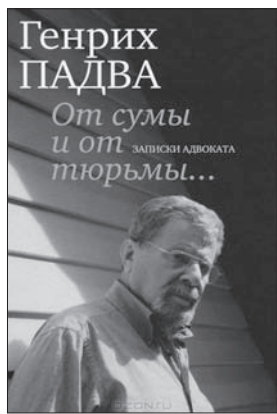
Одно из дел будущего бле-

стящего адвоката — бежавший из немецкой оккупации, подворовывавший, уже имевший одну судимость в подростковом возрасте мужчина убил гулящую жену — сделало Генриха Падву принципиальным противником смертной казни. Другое — сторонником отмены уголовного преследования за гомосексуализм. Дело об изнасиловании послужило поводом для длинной аналитической статьи из философии права, опубликованной в 1993 году; целиком приведенная речь по делу импульсивной самоубийцы, выпившей склянку уксусной эссенции, — для разговора о правовой позиции «доведение до самоубийства»; присутствуют и компетентные рассуждения на тему оговора и самооговора... Есть воспоминания о Высоцком, прибавляющие мало нового к известным фактам, о других известных «знакомых». Все это весьма интересно и поучительно, но книга адвоката такого уровня, конечно, будит иные ожидания.

Они частично оправдываются примерно в последней четверти тома. Генрих Павлович подробно рассказывает о том, как защищал Вячеслава Иванькова, он же Япончик —

эпизод касается обвинения в утоне «Москвича». Дело хозяина Красноярского алюминиевого завода Анатолия Быкова, который «пользовался колоссальным влиянием в Красноярске», освещено более подробно. Обвинение Быкова в заказе убийства Павла Сурганова (Паши Цветомузыки) было слеplено очень бездарно, доходило до того, что на глазах у журналистов в спецтранспорт укладывали упакованных в черные мешки, но вполне живых милиционеров. Были в этом деле и другие сомнительные эпизоды, и провокация — Быкова осудили и освободили с испытательным сроком.

Рассказ о деле Ходорковского начинается с оговора: «Я сознательно всегда ограничиваю себя в оценке своего подзащитного с точки зрения общечеловеческих критериев морали, нравственности». В воспоминаниях Генриха Падвы встречается упоминание таких черт характера Михаила Борисовича, о которых его имиджмейкеры умалчивают. «Ходорковский — очень сильный человек, склонный к авторитарности, уверенный в себе, способный быть очень жестким и твердым». Но все же «он умеет слушать,

Падва Г.
От сумы и от тюрьмы...
Записки адвоката.
М.: ПРОЗАИК, 2011. — 304 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-91631-125-9

и понимает, что ему говорят». Генрих Падва рассказывает, что когда «возникло» уголовное дело, у Ходорковского не было желания «войти на Голгофу» — он стремился к компромиссу. Но, как ни странно, компромиссу помешала пресса, правозащитники, разного рода общественные деятели, использовавшие ситуацию в своих интересах — громко крича и протестуя или, напротив, ликуя. «А в дальнейшем уже деваться было некуда. Теперь он должен был сражаться...» Это мно-

гое объясняет. «Понимаете ли вы, — спросил адвокат подзащитного, — что ни я, ни все лучшие адвокаты страны (...) не смогут вам помочь сейчас, когда конфликт между вами и властью зашел так далеко?» Ходорковский ответил, что понимает. «В итоге дело объемом 400 томов, рассматривавшееся судом первой инстанции почти год, кассация рассмотрела за один день, завершив рассмотрение, в нарушение закона, глубокой ночью. Обвинению надо было это сделать, поскольку, по их мнению, ровно в полночь истек срок давности по одному из важнейших эпизодов обвинения».

Книга «От сумы и от тюрьмы...» не в полной мере соответствует названию, точнее, название — книге, и ее нельзя назвать воспоминаниями в привычном смысле. Скорее перед нами обобщение опыта, призванное прояснить мировоззренческие позиции автора. Генрих Падва предпочел не раскрывать главных подробностей своих нашумевших дел, и это понятно — публикация таких сведений могла быть неверно истолкована. Но у монеты есть и обратная сторона: читательский интерес удовлетворен лишь наполовину.

Состав преступления

«Дождь, который, казалось, не закончится никогда...» — начало для воспоминаний генерального прокурора об «августовских днях 1991 года» довольно поэтичное. «То, что происходило за пеленой этого дождя в высоких московских кабинетах» — отражено в уголовном деле ГКЧП, и это, по мнению автора, «единственно достоверная, с точки зрения права, фабула августовской драмы». Валентин Степанков вместе с заместителем Евгением Лисовым уже писали книгу об этих событиях, «Кремлевский заговор», но все же автор считает, что и в новой книге многое станет «открытием для читателей». Возможно, оно и так, только подбор и подача документов настораживают. Помимо прочих, например, цитируются показания Александра Невзорова, которого в объективности не заподозришь.

20 июня 1991 года председатель КГБ Крючков направил руководителю аппарата Горбачева Валерию Болдину записку, названную «Информация о высказываниях представителя окруже-

Степанков В.
ГКЧП: 73 часа, которые
изменили мир.
М.: Время, 2011. — 352 с. — (Диалог). 2000 экз. (п) ISBN 978-5-9691-0703-8

ния президента», — она была частью большого комплекса мероприятий, предпринятых «сановными бунтовщиками». Факт сам по себе не такой уж примечательный и для современной политической жизни, но записка цитируется, даже с изменением шрифта, чтобы отделить документ от повествования автора: «...линия Павлова получила активную поддержку у Язова, Крючкова, а так же частично Пуго...» И далее: «В ближайшем окружении Дж. Буша

полагают, что М.С. Горбачев практически исчерпал свои возможности как лидер». Конечно, Крючков не доносил на самого себя, Буш не входил в «окружение» Горбачева, а вместе они никак не одно «лицо». Но такие ошибки в книге, подписанной генеральным прокурором, который, теоретически, должен знать цену документам, достоверности не прибавляют. Отнесем их на счет спешки, стремления успеть к дате — и участия журналистов Павла и Янины Никитиных. Много тут и расхождений с воспоминаниями других: Болдина, генерала Варенникова...

Первую роль играл Крючков, Язов и Пуго колебались. Об органах КГБ Крючков говорил: «Выхолостить из их деятельность политическую суть — значит превратить чекистов в ремесленников, не имеющих политических принципов». А на совещании сказал своим замам: «Перестройка, как она задумывалась, кончилась». Однако в КГБ занимались не только этим, но и писали аналитические записки. Самая

отрицательная реакция на введение чрезвычайного положения предполагалась из республик СССР, элиты которых вполне устраивали те формы автономии, которые им определялись. После подписания союзного договора премьер-министром стал бы Нурсултан Назарбаев. По Степанкову получается, что Союз развалила Россия. Она «слишком напористо, подчас даже агрессивно, отстаивала свое право на самоопределение, слишком быстро набирала очки в противостоянии с Центром. К августу 91-го у нее было все свое, российское — конституция, парламент, правительство, президент и флаг. Я вспоминаю, что именно ощущение самодостаточности преобладало тогда в российских коридорах власти... Я, например, в то тревожное утро не заехал в расположенную почти рядом с Российской Генеральную прокуратуру СССР по совету... Просто у меня даже мысли такой не возникало...» Прокурор РСФСР был готов и сочувствовал разва-

лу государства, закон в котором обязан был охранять. Но при этом квалифицировал действия ГКЧП, как «грубое попрание законодательства Союза СССР и суверенных республик», то есть исполнял функции центральной власти.

Помимо этих неувязок есть и иные признаки субъективности, скажем, действия М.С. Горбачева на международной арене автор определяет как «блестящие и уверенные». Но о главном, о том, что касается непосредственных жертв августовских событий из числа рядовых москвичей, Валентин Степанков приводит вполне объективные данные.

Вовремя движения колонны бронетехники по тоннелю под Калининским проспектом сначала брезентом закрыли смотровые щели боевой машины пехоты (номер 536) — но наводчик, вращая башню, сорвал его. Приборы и щели снова забились одеждой. При маневрировании в тоннеле под Калининским проспектом от удара о колонну открылся десантный люк. Молодой

человек «проник» в БМП — его предупредили, что будут стрелять, потом дали предупредительный выстрел. Он упал на асфальт и ударился головой. БМП окружили, из нее раздалась очередь — на асфальте остался еще один человек. Машина сдала назад, механик-водитель не имел поля обзора — и корпусом задел еще одного человека. Тут уж в ход пошли «коктейли Молотова». Когда машина загорелась, экипаж стал покидать ее, но в люки выплеснули ведро бензина. Мотострелки, в ожогах, стали пробиваться к другой машине, стреляя в воздух. Один из демонстрантов бросил в них камень — и был убит «неустановленным лицом» выстрелом в голову. Прокуратура РФ решила, что в действиях военных состава преступления нет. Как и в действиях тех людей, что «противодействовали незаконному созданию ГКЧП». Как бы тяжело это ни прозвучало, это решение, возможно, было самым взвешенным из тех, о которых идет речь в книге Валентина Степанкова.

Приключения Невера Майнда

Вера Бройде

Если бы Урса Видмера можно было спросить, что ему больше нравится: свое сегодняшнее состояние почти пожилого человека или славное прошлое, когда он был ребенком и тоже, вероятно, как его персонаж, бегал по чужому саду, с пером в волосах и в боевой раскраске, точно индеец навахо. Может быть, он ответил бы так: *«У индейцев время другое»*.

Вообще-то, эти слова взяты не с потолка, их действительно кое-кто произносит: старик девяноста четырех лет, который в начале книги садится на садовую скамейку у дома и принимается наговаривать на диктофон историю, приключившуюся с ним, когда ему было толь-

ко восемь и он встретил господина Адамсона — покойника. А теперь следующие пять минут, пожалуйста, не удивляйтесь ничему. Совсем ничему.

Он был старый, очень старый, всегда в серой вязаной кофте не по погоде, маленький, худенький и почти лысый, с выступающей верхней губой, *«похожей на козырек трамвайной остановки»*. Но вот его глаза — дело в том, что они блестели, как у ребенка, когда он играл в прятки, а потом в салки, а потом подпрыгивал и мчался наперегонки с другом, и смеялся, и пел. Все это господин Адамсон умел — и выглядел цветущим, как сама жизнь, даже прижимался носом к окон-

ному стеклу во время поездки на трамвае, точно в первый раз и боится что-нибудь пропустить. Правда, он вечно ходил без ботинок — в одних коричневых носках. Позднее мы узнаем причину этой странности.

Дело в том, что каждый предшественник выглядит так, как в момент смерти. Господин Адамсон, зашедший солнечным днем 22 мая 1938 года к сапожнику, как раз снял ботинки, чтобы их починили, и в этот момент, нет — в это мгновение (*«мгновение — это, ну как если бы у тебя был ножик, который резал бы время, тонкий-тонкий, острый-острый, и ты разрезал бы секунду пополам, а потом еще и еще, не остано-*

ливаясь, и так целый день») — тут старик обычно смущенно смеется и пожимает плечами: он умер, а мальчик родился. Через восемь лет последний увидит его, невидимого для всех остальных, и они... Ну, сначала как следует поиграют, потом отправятся на поиски клада, что спрятан под плитам пола в старом доме, который как раз в эту минуту разрушают чутунной бабой, чуть не погибнут (то есть, конечно, мальчик чуть не погибнет, господин Адамсон и так уже, собственно...) — прежде чем пуститься в жуткое путешествие в мир мертвых. И знаете, то, что господин Адамсон — призрак, вовсе не делает и его связь с мальчиком призрачной. Вы знаете, как он будет

его любить? — Как любят только дедушки. А мальчик? — Так, как любят только дети.

Перо в далеко не густых волосах мальчика, превратившегося в старика, но так и оставшегося индейцем навахо, — это пахнет безумством, верно? Да только такое безумство и может соперничать со смертью. Наш новый старик очень много чего успевает рассказать, пока крутится лента кассетного диктофона, то есть пока вы читаете роман. Но он почему-то не называет своего имени. Лишь в самом конце воспоминаний, когда одна старая боевая американка спросит, как его зовут, он ответит: *«Never mind» — Не важно*. Мистер Майнд просто рассказал о своих приключе-

Видмер У. Господин Адамсон / Пер. с нем. Е.Зись.
М.: Текст, 2011. – 160 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-7516-0998-6

ниях, а Урс Видмер, записавший за ним, сочинил, вероятно, самую теплую книгу о смерти.

Не доверяйте нежности

Мария Мельникова

В городке Искьяно Скало есть одна церковь, одна площадь, один газетный киоск, один бар и одна школа. Рядом — кишаший нелецеприятной живностью природный заповедник и опасная Аврелиева дорога, на которой почти никто не сбавляет скорость. Море близко, но отгорожено полями, и кажется, что до него тысячи километров. В этих нерадостных декорациях встретились и пересеклись в недобрый летний час две истории — детская и взрослая.

Местная легенда Грациано Билья — вольный гитарист, донжуан-стахановец, бродяга дхармы, короче, художественный лузер-раздолбай — устав от суровых будней неформала, вернул-

Амманити Н. Я заберу тебя с собой / Пер. с ит. Е.Жирновой.
М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2012. – 544 с. – (The Best of Иностранка). 4000 экз. (п) ISBN 978-5-389-02222-5

ся на малую родину, чтобы сыграть свадьбу с подружкой-фотомodelью и начать строить вменяемую жизнь. Фотомodelь вдруг пере-

думала. Грациано принялся судорожно искать хоть какую-нибудь герлфренд для поддержания летящего в тартарары имиджа — и в довершение своих бед впервые в жизни влюбился не нижним, так сказать, сердцем, а верхним. В тихую рыжую Флору Пальмери, училку итальянского. А с двенадцатилетним Пьетро, страстным любителем биологии и подлинным толстовцем в душе, тем летом случилась беда: школьные его в качестве живого щита на хулиганский рейд, и по всем законам подлости дело кончилось тем, что Пьетро единственный из всех был оставлен на второй год. Такое в любой детской все-

ленной по праву приравняется к почти концу света. А если второй год означает, что тебя не отправят в лицей и ты НИКОГДА не будешь изучать африканских лягушек, потому что НАВСЕГДА останешься в этом городе с алкоголиком-отцом, накачанной антидепрессантами матерью, дебилом-братом и осознанием того, что добрая синьора Пальмери, единственная, кто была на твоей стороне, тебя предала? Это Апокалипсис без «почти» — если только не последовать суровому совету встреченного на дороге мудрого гитариста и бродяги дхармы и не начать бороться. Первый раз в жизни и со всеми сразу.

Вплоть до третьей своей

четверти «Я заберу тебя собой» с большим успехом притворяется гибридом драмы для среднего и старшего школьного возраста и эротической комедии. Хотите — получайте диетическое удовольствие, философски рассуждая, что, мол, имеет человек право написать симпатичную травоядную книжку. Хотите — возмущайтесь: «Я так не играю! Это же Никколо Амманити — где ужас, кровь, безумие и мертвый слон?» Влюбом случае момент, когда начнется реально страшное и садистское почти до ларсфонтриевщины, вы не угадаете. О, не стоит доверять нежности Амманити, не стоит обманываться тем, как смешны и жалко-человечны бывают

его злодеи. Все это не поддельное, нет. Просто эта проза живет по законам пугающего, но в чем-то прекрасного равноправия: уморительное и умирительное здесь никогда и нигде не отменяют чудовищного — и наоборот. Не самая приятная разновидность справедливости, но, что ни говори, пьянше удивляющая. И кстати: если в школе вы не прониклись историей Раскольникова, прочесть «Я заберу тебя с собой» особенно стоит. В исполнении Амманити история города, который сводит с ума, преступления, наказания и преображения звучит на редкость непредвзято и непафосно, и при всех ужасах — да, по-хорошему нежно.

Миссия — заблудиться

Оксана Бек

Вверх по течению реки Тонлесап девушка неизвестного нам азиатского роду-племени идет из пункта А — деревни с барабанным именем Баттамбанг — в пункт Б, которого нет. Она беременна никому, включая ее самое, не нужным ребенком, и ее цель — заблудиться: *«Я не умею. Ты научишься. Наставил бы меня кто, как заблудиться. Иди, ни на что не оглядываясь, прикажи себе не узнавать ничего знакомого, направь свои стопы к самой враждебной точке горизонта, туда, где простираются топи, пересеченные во всех направлениях длинными косогорами»*. Ее реальная близняшка давно уже добралась до Калькутты, избавилась

от ребенка и живет счастливо и таинственно, днем спит, ночью поет песни, купается в Ганге и ловит руками рыбу. А эта бедняга — все еще блуждает, потому что о ней, глядя из окна на ее сестру, пишет Питер Морган. Они наверняка в чем-то похожи, настоящая девушка-бродяжка и вдохновленный ею персонаж книги зачарованного Востоком англичанина, но в чем-то, несомненно, отличаются, правда, в чем — мы уже никогда не узнаем.

О том, что именно сделал странный знакомый Питера Моргана Чарльз Россетт, когда служил вице-консулом в Лахоре, мы тоже не узнаем. Это прискорбное, скандальное нечто — *«Мне*

кажется, вам стоит задуматься над одной вещью: что иногда... катастрофа может разразиться далеко от того места, где она должна была произойти... знаете, как от подземных взрывов море выходит из берегов за сотни километров...» — окружает его, как воздух. Вдохнуть и закашляться можно, а ощутить на вкус не получится. То, почему людей приводит в такое волнение одиноко стоящий велосипед Анны-Марии Стреттер, то же, к сожалению, останется неизвестным. Из заворачивающего жонглирования этими тремя разновеликими тайнами, по сути, и состоит бесконечно-безначальный зыбкий «Вице-консул». Что

Дюрас М. Вице-консул / Пер. с фр. Н.Хотинской.
М.: Флюид, 2011. – 192 с. – (Французская линия). 3000 экз. (п)
ISBN 978-5- 98358-278-1

поделаешь, Восток — дело не только тонкое, но и крайне расплывчатое, сколько здесь

ни проживи. Душно, томно, ложишься поспать днем, просыпаясь и обнаруживая, что за время отдыха все душевные усилия по привыканию к Калькутте в тысячный раз пошли прахом — тут сама идея четкости покажется смехотворной. А по большому счету, дело даже не в Востоке. Романы Маргерит Дюрас, великой мастерицы недомолвок и зияний, предназначены не для того, чтобы вы что-то узнавали, скорее, наоборот. Ее прозу можно сравнить с блужданием в темноте по незнакомому музею скульптуры. Что-то из нащупываемого острожной рукой мозг распознает, а что-то не может — и поди разберись, то ли это досад-

ное несовершенство органов восприятия, то ли действительно пальцы натолкнулись на то-чего-на-свете-нет. Расстояния в темноте тоже непредсказуемым образом сжимаются и растягиваются, так что массы сюрпризов и как минимум одной разбитой коленки не избежать. Коленкой можно пожертвовать — бродить по морозу Дюрас полезно для здоровья. Терапевтический отказ от узнавания всего знакомого, путешествие к самой враждебной точке горизонта и просчитывание координат невидимой катастрофы — отличные упражнения для упорядочивания внутренних настроек, читательских и не только.

рецензии

ПОЭЗИЯ

И «достижения иные»

Кирилл Ковальджи

Второй сборник стихотворений Бориса Кутенкова вышел в свет в сопровождении целого ансамбля отзывов. Лев Аннинский (автор предисловия) пишет: «*Стих щегольской... Рифмы безукоризненные... все отлично встроено в ритм*»; Елена Исаева радуется, что в любви к «маленькому» человеку Борис Кутенков «честно продолжает... великую традицию русской литературы»; «*Борис Кутенков — поэт чрезвычайно одаренный*», — добавляет Бахыт Кенжеев; Олеся Николаева говорит о Борисе Кутенкове как о чистом и тонком человеке с умом и талантом; Евгений Рейн находит в стихах Кутенкова признаки «нового трепета»; Сергей Арутюнов, Марина Кулакова, Владимир Коркунов, Игорь Дуардович, Федор Мальцев, Павел Крючков — каждый по-своему добавляет добрые слова о молодом поэте. Вдобавок приводятся и мои слова, которые, естественно, подтверждаю:

«Мне нравится экспансия таланта Бориса Кутенкова, вторгающегося в соседние жанры. Любовь к поэзии делает его ненасытным. Поэт, критик, эссеист... это писатель по призванию — культурный, преданный ревнитель литературного дела. А главное — все-таки поэт, очень чуткий к современности, самостоятельный, обещающий...»

Все ясно? Однако можно и продолжить. Лев Аннинский, к сожалению, кроме приведенных нескольких слов о рифме и ритме, ничего не сказал о стихах Кутенкова, словно поэт его и не очень-то интересует. Он пустился в рассуждения о поколении, «которое девяностые провело в детсадовских фартучках, а нулевые получило как нечто данное, само собой разумеющееся...» То есть не выделяет поэта как личность, а утапливает его в поколении (о котором можно судить и по любым, даже графоманским текстам!). Но ведь кроме поколенческих меток у молодых поэтов

есть лица необщего выражения, чем они и примечательны.

Сам Кутенков в «Литературной газете» от 28 сентября с.г. в статье «Речи пернатые, сны жестяные» пишет (словно о себе!) «о действительно профессиональном и, что называется, столичном уровне», о наслаждении «виртуозной технической оснасткой стихотворений». Важно? Очень важно. Но давайте не забывать и о том, пишет Зоргенфрей о Блоке: «...всяческое литературное мастерство, все формально-поэтическое вызывало в нем отрицательное чувство... Достижения в области стихотворной техники оставляли его глубоко равнодушным, если с ним не связывались достижения иные».

И действительно. Блок обходился несколькими сотнями слов, вполне литературных или, как говорят, книжных, а — какое волшебство!

По-разному входят молодые в литературу. Одни схватывают налету

все новые веяния («столличный уровень»), другие от них отталкиваются (как Емелин). В наши дни преобладает, пожалуй, первая тенденция. Которая начинается надоедать. Все всё умеют, а сказать нечего...

Кутенков же явно талантлив, хотя у меня складывается впечатление, что и у него порой мастерство обгоняет живую нагрузку. Словно в современном лайнере не так уж много пассажиров. Но он уже готов к завтрашнему дню. Он может и сможет. Вот главное. Поручкой тому маленькая поэма «Ленка», пронзительная, болевая: «*господи зачем тебе эта девочка / что ты в своем раю будешь делать с ней / она нужнее здесь / маме брату мне...*»

Хороши доспехи у Кутенкова, но им не скрыть его ранимости (она и делает его поэтом). Боль сознания, боль рано созревшего интеллекта («*моя голова так устала от лжи и ума*»), неудо-

Кутенков Б. **Жили-боли / Предисл. Л.Аннинского.**

М.: Вест-Консалтинг, 2011. — 82 с. 1000 экз. (о) ISBN 978-5-91865-088-2

влетворенность жизнью и собой приводят к одиночеству, к отчаянию. И — к умению искусно использовать такое довольно-таки распространенное (даже модное!) состояние.

Борис вызываете защищается: сказать нечего? Нет! Сказать некому! Разумеется, не каждое слово поэта надо

понимать буквально, но все-таки меня коробит трижды повторенное «*Мне не с кем говорить в моей стране*». Не сочувствую, потому что не верю. Лев Аннинский однако мыслит литературно и вопрошает: «*Это уже Мандельштам?*» Ох, в ту пору выкрикнуть «*Мы живем, под собою не чуя страны*» — было личным подвигом, теперь такая «смелость» совершенно безобидна. И не убедительна.

А в целом — Кутенков убедителен. Потому что в контексте, потому что утверждает: «*без нас, одиноких, особенно мир неполон*» и «*я отныне полной мерой плачу/ за живое, проступившее в нас*».

Ну а все-таки: сказать некому? Продолжать ли сетования об объективной утере читателя? Бесполезно.

Если поэт сказал мне, то сказал не только мне!

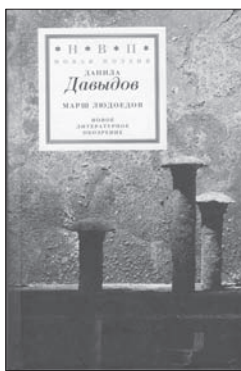
Потому что Борис Кутенков уже здесь, в нашей литературе, и принесет ей немалую пользу.

Метафизический сопромат

Евгений Таран

В издательстве «НЛО» в серии «Новая поэзия» вышла пятая книга стихов Даниила Давыдова — поэта, критика, филолога и литературтрегера. Тот факт, что этот сборник должен занять свое место в литературном процессе, созданном во многом усилиями самого Давыдова, делает ситуацию практически брюсовской. После предыдущей стихотворной книги автора прошло уже известное время, поэтому интересна динамика творческого развития Давыдова. Первое, что бросается в глаза, — стихи стали короче, из них практически ушла конкретика — топологические привязки, реальные ситуации, имена друзей-поэтов — словом, то, что отличало давыдовскую манеру ранее. Взамен этого пришла трансцендентальность, взгляд на мир с некой вневременной точки, но взгляд не бесстрастный, а пропущенный сквозь призму собственного духовного опыта: «*стеклянные точные прозрачные лишь с одной стороны / нет не сновидения просто так какие-то миражи / какие-то недоовощенные способы перемещения / из мест где нас нет в места где нас нет*».

Отстраненность под-

Давыдов Д. **Марш людоедов / Предисл. М.Гейде.**

М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 160 с. — (Новая поэзия). 1000 экз. (п) ISBN 978-5-86793-906-9

черкивается и названиями двух разделов книги: «Извлечения из чужого опыта» и «Побочные ориентир».

Когда современная литературная ситуация только складывалась, а внешний, так сказать, мир, составной частью и отражением которого она являлась, был еще подвижен и изменчив в своих формах, Давыдов являлся активным участником событий, уже будучи поэтом, только формируясь как критик, но еще не являясь модератором. Когда мир вступил в фазу стабильности (так говорят), а формы его застыли, то стали изменяться смыслы вещей, каждый

день, с пугающей быстротой. В этих-то непростых условиях Данила Давыдов реализует свои разносторонние таланты, выбрав для поэтического творчества стратегию выхода «за околицу» в летовском смысле: «*а кто я? случайно смотрю мир стол / красивое место для да-да именно крови на скатерти / ну а потом по своим делам пошел / ну вы меня знаете*».

Унаследованные от обериутов и концептуалистов иронию, некоторые особенности языка и приемы стихосложения автор использует для создания образа мира-загадки. В этой загадке кроются возможности как для добра, так и для зла. Давыдов чаще рефлексировал в новых стихах по поводу зловещей абсурдности сущего, но не пытается ставить диагнозы этому миру раньше времени, ибо «*ребенок разгадал ребус и плачет...*»

Тему развивает стихотворение, содержащее заглавный образ книги: «*шестствует быть может марш людоедов победно / но в то же время возможно какая былинка там расцвела...*»

Одним словом, в мире есть все — и все есть в человеке. Сам же марш людоедов может оказаться вовсе

не таким уж и страшным, а совсем даже выходом опереточных злодеев. В стихах Давыдова всегда сохраняется возмужность кукольного театра, о котором пишет автор предисловия Марианна Гейде.

В книгу включены два раздела, которые составили стихи, взятые из двух предыдущих стихотворных сборников. На недавней презентации в «Проекте ОГИ» кто-то даже говорил, мол, это же избранное получилось. На что автор лукаво ответил, что просто не хватило нового материала для объема. Но анализируя структуру пятой книги, понимаешь, что не все так просто. Эти разделы служат важным контрапунктом, возвращая нас на землю, в самую гущу событий и переживаний. Здесь можно найти очень сильные строки, представляющие нам другого Давыдова: «*как зелен виноград когда его не могут / как спел он Господи когда его уже*».

Вообще говоря, для посвященных в книгу есть много парафразов и деконструированных афоризмов. Принципиально, что в заглавиях разделов, содержащих стихи из прежних сборников, вводится цветоточная символика: «Старое: из Зеле-

ной книжки», «Старое: из Синей книжки». И зеленая, и синяя книжки имели и собственные названия, и порядковые номера. Однако составляя пятую книгу именно как единый текст, Давыдов вместе с редактором, питерским поэтом Александром Скиданом предпочли именно такое решение — словно два ярких мазка, которые уже никуда не денутся с ежесекундно меняющегося пейзажа.

Контрапунктом выступает и центральный, по-видимому, раздел книги «Палинодия». Слово это означает стихотворение, в котором автор отрекается от написанного ранее. Впрямую мы не обнаружим здесь подобного приема. Но стихи этого раздела отмечены повышенной внутренней напряженностью. В фокусе внимания находится субъект действия, взятый в моменты озарений и духовных прорывов «на ту сторону». В этом путешествии его периодически сопровождают тени значимых фигур музыкального ландшафта. Так следующие строки Давыдова: «*будет свет в конце тоннеля / будет некое окно / будет нечто-в-самом-деле / подлинное, не чмо*», — входят в резонанс со стро-

ками Вадима «Черного Лукича» Кузьмина: «*Будет весело и страшно. / Будет больно и смешно. / Будет как на промокашке. / Будет как в немо кино*», хотя несут в себе иное послание. А строки «*давай переделывать вещи в слова / только еще покурим сперва*», — словно возвращают нас в «золотой период» группы «Аквариум» и одновременно отзываются в творчестве Чича.

Отречения от написанного ранее не происходит, но происходит его преодоление, ибо материя, отраженная в стихах, сопротивляется.

Закрывает книгу раздел «Регистры». Как и пододбает разным регистрам, здесь собраны очень непохожие друг на друга произведения. Появляются традиционные рифмовка и строфика, но есть двух- и четырехстрочник, а совершенно изящное «Крысолов и Мухобойка» нисколько не мешает сквозному вопросу о том, куда, собственно, двигаться дальше. От такого разнообразия возникает отчетливое ощущение, будто ударили камнем о камень и высекли искры, и эти искры застывают в последней строчке книги кристаллом.

Тебе — слезы мои...

Прочитав книгу доктора исторических наук, президента «Российской ассоциации исследователей женской истории» Натальи Пушкаревой, мы узнаем множество деталей ежедневных событий, происходивших не одно столетие назад. И происходивших только в жизни женщины — холопки, дворянки, и даже обитательницы царских палат. Что мы знали о них? Что румянились свеклой, как показано в любимой детской сказке. А чтобы выступать как «белая лебедушка», использовали белила, содержащие огромное количество свинца, что значительно сокращало жизнь и долго наводило современных археологов на мысли об отравлениях. Ведь пользовались такой «косметикой» дамы из высших слоев общества, которые всегда могли кому-то помешать.

Известно, что и церковь, и народные обычаи сформировали единый идеал истинной женщины — многодетная мать. И мать хорошая — кормилица, воспитательница, лекарка. Несмотря на подавляющую роль церкви, в семьях непременно сохранялся и культ предков, оставшийся от языческих времен. Духи умерших родственников по жен-

ской линии незримо оберегали детей. А с увеличением продолжительности жизни внуки стали видеть своих бабушек живыми — и всегда были их любимцами, получая то душевное тепло, на которое часто не хватало сил у утомленной хозяйством матери. В общем, почти как сегодня. Почти, но не совсем. Например, как в XXI веке понимают значение слова «ревновать»? Не вдаваясь в филологические тонкости, автор рассказывает нам, что лет 500 назад подрастающее поколение должно было «*ревновать*» основателей семьи и рода, и живых, и давно почивших: восхваляться, воспевать, помнить и передавать память своим детям. Почти утерянное сейчас уважение к предкам было одним из столпов древнерусской семьи.

Но прежде чем стать частью рода, и желательно хорошего, девица должна была выйти замуж. Чтобы стать «*доброй женой*» в новой семье, следовало проявить себя покорной дочерью в родном доме. Древнеславянский обычай умыкания невест давно ушел в прошлое. Теперь следовало «*свещаться*» с отцом невесты, ибо «*с нею же кто свещается*». Кто ж, мол, ее спра-

шивать-то станет? И удача, если молодые «*глянулись*» друг другу. Дальше оставались юридические формальности, не менее сложные, чем сегодня. И договор о помолвке, и договор о приданом, и о неустойке не забыть! Это если жених какой-нибудь фортель перед свадьбой выкинет. Но если все обходилось благополучно — совет да любовь!

Ну а если отношения между супругами не сложились — плохо дело. И чем ниже на социальной лестнице находилась семья, тем более жесткие, если не сказать жестокие методы применял к ослушнице муж. И закон был на его стороне!

«Бьет — значит любит». Эта страшная поговорка пришла к нам из седой древности, где белый свет в окнах был затянута пленкой из бычьего пузыря, печь топилась «по черному» — дым шел в избу, а шедевры рукоделия создавались при еле тлеющей лучине. И все это было нормой, как и то, «*...что было за нею приданое — все пропало*». Только не было ни мировых судей, ни наркологов, ни убежища для избитой женщины. Вернуться к родителям — позор, как бы не жалели, все равно не примут. Священник еще

и пожурит за отсутствие послушания. У самых смелых находилась отдушина — любезный друг, да и он не смел вмешаться в крутоверть судьбы венчанной жены. Вот, бывало, и распрямлялась сжатая до отказа пружина. Известный ученый и путешественник Адам Олеарий так записал в своем дневнике: «*Нрав русских лишь сначала оказывается терпеливым, а потом ожесточается и переходит к мятежу*». «Мятеж» в быту средних веков — мужеубийство. А наказание за это — смертная казнь через закапывание в землю заживо. И без апелляции...

«Повседневная жизнь» тех, кому повезло больше, тоже особой легкостью не отличалась. Для простого люда обычаи становятся все строже. В 1551 году церковный собор запрещает общие бани. А свободного времени у женщин из простонародья ой как мало, и в «мыльню» ходили, как правило, всей семьей. Из парной да в белый снег, чтоб дух захватывало и тело закаляло. Без бани на Руси не прожить. Приезжавшие в Москву иностранцы еще не скоро признают, что именно этот обычай позволял русским крестьянкам ходить «*в морозы, босоногими, точно гуси*».

Пушкарева Н.
Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. Невеста, жена, любовница.

М.: Ломоносовъ, 2011. — 216 с. — (История. География. Этнография). 1500 экз. (п) ISBN 978-5-91678-128-1

Да и стандарты красоты приветствовались явно не сегодняшние. Недаром придворный врач царя Алексея Михайловича, правившего в середине XVII века, с изумлением писал на родину, что «*худых женщин часто лежа поили водкой, чтобы женщины толстели*». Конечно, имелись в виду девицы из высших сословий, для которых «быть в теле» являлось неперенным условием удачного, с социальной точки зрения, замужества. Да, и еще плохие зубы! Это не шутка. «Уста сахарны» у невесты только

в сказках и преданиях, а в реальной жизни они должны были испорченные и совсем не белые — мол, девица в родительском доме отказалась в чем не знала и питалась только леденцами да пряниками. Бедные девушки, учитывая, что уровень развития стоматологии в те годы ограничивался мужиком с немытыми руками и огромными клещами, орущим на всю ярмарочную площадь: «Деру зубы, зубы деру!» И исключений не было ни для кого, кроме царской семьи, чьи врачи делали, в общем-то, то же самое — но чистыми руками, и успокаивали страдальца на иностранных языках.

Конечно, насильно поили девиц только в знатных домах, а уставшие от тяжелого монотонного существования женщины низших слоев позволения на поход в кабаки, открытые еще во времена Ивана Грозного, ни у кого не спрашивали. Только в правление Ивана IV вход женщинам туда был воспрещен. А уже сто лет спустя в народе ходит поговорка: «*Нет такого зелья, как баба с похмеля*». Непроста! Ну а те, кто не попал под влияние вредной привычки, вели обычный «женский» образ жизни.

Ваше Величество, матушка...

«Дети — это горькое разочарование: больше всего им нравится делать именно то, что больше всего не нравится их родителям», — это произнесла «бабушка всей Европы», знаменитая королева Виктория. Уж она-то знала, о чем говорила, подарив Ганноверской династии целых девять отпрысков. Ну а внуков имела и того больше. И при чем, казалось бы, здесь Виктория? Но канва истории всегда плетется долго. Особенно если мы вспомним, что ее родная внучка — принцесса Алиса, станет Всероссийской Императрицей Александрой Федоровной, и тоже будет многодетной матерью.

Как складывались семейные отношения в первых семьях государства? Как появлялись на свет будущие самодержцы? К чему сначала тянулась рука «порфиронного» дитяти, к игрушке мягкой или к жестким «игрушкам власти» — царским регалиям? Автор книги Аркадий Танакон — сам, что немаловажно, акушер по профессии — исследовал эту тему и создал увлекательную летопись жизни монарших особ.

Как и в крестьянских семьях, деторождение считалось главной обязанностью супруги самодержца. Только цели были разными: одним не хватало рабочих рук в хозяйстве и опоры в старости, другим — наследника империи. Из-за его отсутствия разыгрывались настоящие драмы. Так московский князь Василий III, знаменитый тем, что первым позвал на Русь итальянских архитекторов для строительства белокаменных кремлевских соборов и стал отцом царевича Ивана, будущего Грозного, впервые в истории христианской Руси насильно заточил бездетную жену в монастырь, до этого прожив с ней в мире и согласии 20 лет.

Юридическое совершеннолетие Наследника наступало в 16 лет. Вот и возраст жениха — 15, а невесты — 13 или 14. В матримониальные планы вмешался лишь Петр I, увеличив брачный возраст для обоих полов, несмотря на протесты Церкви. Ну а к XIX веку он прочно закрепился уже на 20-летней отметке, что позволяло ожидать более крепкого потомства. Сведения

Танакон А.
Как рожали русские царицы. Акушерские истории династии Романовых.

СПб.: Глаголь Добро, Азбука-Аттикус, 2011. — 320 с. — (Афоризмы. Советы. Притчи). 10 000 экз. ISBN 978-5-389-01263-9

о здоровье будущей матери стекались к семье жениха со всех сторон. Через медицинские, дипломатические, родственные источники. Екатерина Великая мечтала женить внуков на девушках своей родины. Официальное задание русским дипломатам — собирать сведения о принцессах, «*бывших в летах для бракосочетания*».

Все высокородные браки имели под собой прочный политический фундамент, да

и ютились в малогабаритных апартаментах молодым явно не приходилось. Так что если они «не сходились характерами», то всегда могли найти развлечение на стороне. Но Наследник должен быть! Если дело не ладилось — причин особо не доискивались: порча молодой или проклятье на род жениха. Именно с проклятием убитого отца связывал Александр I свою неудавшуюся семейную жизнь и смерть двух любимых дочерей. Что ж, оправдания своим поступкам люди находили во все века...

Если ожидания династии не оказывались обманутыми и будущая мать чувствовала себя хорошо — праздники начинались ранее прихода в мир долгожданного малыша. Для него заранее перестраивались дворцы — «*на случай умножения Императорской фамилии*». Но не все царевичи рождались легко. Много было и «обетных» детей. Началось этому обычаю положила супруга Дмитрия Донского — Евдокия, «вымолив» двоих сыновей. В случае удачного разрешения закладывались и «обетные» храмы, в честь оказавшего помощь святого. Ко

времени начала родов в спальне Императрицы собирались не только врачи, но и официальные лица. Они обязаны были подтвердить факт рождения ребенка и составить манифест для народа, который так и назывался: «*О благополучном разрешении Государыни*». Екатерина II вспоминала, что возле ее кровати стояли петербургские нотариусы. Ведение царственных родов лейб-медики, окончившими европейские университеты, никак не отменяло присутствия здесь же и повивальных бабок, часто не освоивших даже грамоту, и читавших молитвы по памяти. Но у них было главное — опыт. Никто не расскажет, скольким беднячкам, а потом и боярским отпрыскам они помогли появиться на свет, прежде чем быть допущенными в опочивальню Царицы Всяя Руси. При царственном отпрыске повивальная бабка оставалась до достижения им пятилетнего возраста. Сегодня ее назвали бы и врачом педиатром! А первая «ученица» акушерка прибыла в Россию лишь в 1712 году, в свите одной из немецких принцесс. До этого обходились своими

силами. Да и правящие родственники не оставались в стороне. Так, Екатерина Великая вместе с повивальной бабкой принимала роды у своей невестки! А ее сын, Павел I, вступив на престол, подписывает указ об основании Медико-хирургического училища, позже — академии, где стали профессионально обучать акушерскому делу. Но до настоящих знаний было еще далеко. Не все роды оканчивались благополучно. Принцесса могла умереть от горячки, как простая крестьянка, а ребенок — получить физические увечья при появлении на свет.

Из книги Танакон вы узнаете множество тайн, за разглашение которых раньше лишались головы. Уникальные подробности интимной жизни цариц, их невесток и великих княжон, от Анастасии Романовой до последней царицы Александры. Сам автор лучше любого рецензента сформулировал смысл своего труда: «*Я хотел, чтобы читатели книги узнали, что происходило во дворцах, когда там ожидали детей, часто имевших не самые счастливые судьбы...*»

1

Сопоставление и контакты

Мудрость – праведность – святость в славянской и еврейской культурной традиции: Сб.статей / Отв. ред. О.Белова.
М.: Центр научн. работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер»; Институт славяноведения РАН, 2011. – 344 с. – (Академическая серия: Вып. 33). 700 экз. (п) ISBN 978-5-98604-278-7

Новый сборник издан по результатам очередной конференции, посвященной сравнительному изучению еврейской и славянской культур. Соответственно материалы тома весьма разнообразны – но, тем не менее, они складываются в целостный метасюжет. Публикации сборника посвящены Григорию Сковороде (Л.Софронова) и рабби Меиру (А.Ковельман), понятиям «мудрости» и «святости» в современных кашубских проповедях (А.Семенова) и почитанию раввинов-чудотворцев в Буковинах и Бессарабии (Э.Иоффе, Е.Лазарева), анализу соотношения понятий «аскетизма» и «святости» (М. и М. Гринберги) и феномену «квазисвятых» в традиционной культуре (А.Мороз). Особенно важны именно сопоставительные работы, подобные статье Л.Кациса о фольклоре зон славяно-иудейских контактов.

2

Неисчерпаемый писатель

Добычинский сборник-7 / Ред. А.Белоусов, А.Станкевич.
Daugavpils: Daugavpils Universitētes Akad. mīskais apg. ds «Saulē», 2011. – 232 с. Тираж не указан. (о) ISBN 978-9984-14-538-9

Имя Леонида Ивановича Добычина (1894–1936), одного из самых загадочных писателей русского модернизма, может быть, не входит в обойму тотально известных классиков, таких, как Булгаков или Платонов, но для всякого знатока русской литературы говорит о многом. В Даугавпилсе уже двадцать лет проходят семинары и конференции, посвященные писателю, выходят «Добычинские чтения / сборники». Нынешний – уже седьмой. Писатель, оставивший всего лишь том наследия, до сих пор не потерял актуальности для исследований и исследователей. В том прослеживаются связи творчества Добычина и Платонова (В.В. Эйдинова), Тынянова и Зощенко (Ф.П. Федоров), Мандельштама (Т.А. Шеховцова), приводятся анализы отдельных произведений и мотивов...

3

Судьба и память

«Так хочется мир обнять»: О.Ф. Берггольц. Исследования и публикации: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Н.Прозорова.
СПб.: Пушкинский Дом, 2011. – 336 с. 300 экз. (о) ISBN 978-5-91476-004-2

Сборник, посвященный столетию знаменитого поэта Ольги Федоровны Берггольц (1910–1975) существенно расширяет наши представления о ее биографии и наследии. Рассматриваются детские и отроческие фольклорные впечатления поэта (Т.Г. Иванова), годы ее учебы в Юрьевском университете (Г.М. Пономарева, Т.К. Шор), взаимоотношения Берггольц и Бориса Корнилова (Н.А. Prozорова), анализируется мотив памяти в ее творчестве (А.А. Шелаева). Особое внимание следует обратить на такие важные публикации, как дневниковые записи 1923 года и юношеские стихи.

4

Последний обэриут

Бахтерев И. Возможно пять.
Madrid: Ediciones del Hebreo Errante, 2011. – 40 с. – Тираж не указан (о) ISBN не указан.

Еще одна книга «последнего обэриута» Игоря Владимировича Бахтерева (1908–1996) издана стараниями Михаила Евзлина – и сопровождается комментариями Сергея Сигея. В сборнике – за единственным исключением – представлены стихи, написанные в 1920–1960 годах. Наследие Бахтерева толком не собрано и не издано до сих пор: ряд журнальных публикаций (в том числе – малодоступных), разделы в обэриутских томах, малотиражные мадридские книги – все это способен охватить лишь специалист. Меж тем, фигура Бахтерева уникальна: мы видим, как может трансформироваться обэриутская программа, прерванная в иных случаях насильственно (даже и в ситуации с выжившим Заболоцким). Бахтерев одновременно возвращается к футуристическим истокам и перекидывает мостик неоавангарду.

5

Неясные шедевры

Шедевры русской поэзии. Вторая половина XX века: Хрестоматия.
М.: Литературная газета; Фонд «Сибирские огни», 2011. – 344 с. 10 000 экз. (п) ISBN 978-5-9902954-1-4

Очень странная антология-хрестоматия новой и новейшей русской поэзии. Открывается она весьма пафосным предисловием,

в котором сообщается, что «шедевр – это текст исключительной эмоциональной силы и высочайшего литературного мастерства» – и что, соответственно, «именно из таких произведений и составлена настоящая хрестоматия». Этот забавный пафос контрастирует с содержанием тома. Если очевидные имена очевидны – хотя, за единичными исключениями, здесь представлены либо советские, либо традиционалистские авторы, а андеграунд забыт, – то современная поэзия вообще явлена эклектично. Лев Лосев, Сергей Гандлевский, Александр Башлачев, Виталий Пуханов, Андрей Поляков, Амирам Григоров и Борис Рыжий не образуют никакой системы, чередуясь с неведомыми или совершенно проходными именами. Книга не рекомендуется для чтения ни учащимся 10–11 классов, коим предназначена, да и никому иному.

6

Фигуры краха

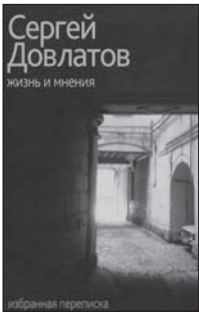
Рауниг Г. Искусство и революция: Художественный активизм в долгом двадцатом веке / Пер. с нем. и англ. А.Скидана, Е.Шраги; Науч. ред. А.Магун.
СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2012. – 266 с. – (Эстетика и политика: Вып. 2). 1000 экз. (о) ISBN 978-5-94380-123-5

В книге Геральда Раунига рассматриваются различные эпизоды в истории взаимодействия искусства и революции в новейшее время (от Парижской Коммуны до 2001 года). Рауниг пишет: «Исследование пограничных, смежных зон революционных машин и машин искусства (...) нельзя предпринимать, не отсылая к периодически возвращающимся фигурам более или менее трагической неудачи и бесспорного краха». Соответственно, среди героев книги Раунига – Гюстав Курбе и Франц Пфемферт, Сергей Эйзенштейн и Сергей Третьяков...

Автор рецензий – Данила Давыдов

Алекс Громов

Неприглаженные строки

Довлатов С.
Жизнь и мнения. Избранная переписка.
СПб.: Журнал «Звезда», 2011. – 384 с. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-7439-0156-2

Писательский юбилей – почти всегда повод к изданию полного собрания сочинений, нового избранного или – хотя бы – красивого тома переписки. С Сергеем Довлатовым тут ситуация особая. Во-первых, он сам высказывался: «Я, наверное, единственный автор, который письма пишет с большим удовольствием, чем рассказы». Да и многие его письма-новеллы, что не менее значимо, адресованы людям, уже ставшим столпами и образчиками настоящей литературы и истории культуры: Виктору Некрасову, Георгию Владимову – и другим... Во-вторых, как известно, некоторые книги, посвященные Довлатову, вызвали последующие судебные споры с наследниками. В этом сборнике исправлены огрехи прочтения текстов писем, восстановлены пропуски, уточнена датировка и добавлен обширный иллюстративный материал.

Арти Д. Александер

Встреча с искусителем

Коневская А.
Под знаком Рониуса.
М.: Форум, 2011. – 248 с. 1000 экз. (о) ISBN 978-5-91134-513-6

На двух планах развивается действие этого неординарного романа – один житейский, более чем обыденный, другой – загадочный и непредсказуемый. Герои становятся участниками эпохальных изменений, происходивших в нашей стране во второй половине 1980-х годов, и свидетелями мистических событий, связанных с «черным человеком»-искусителем в средневековом обличье. Остросюжетная история из жизни ученых наглядно демонстрирует: зависть и честолюбие, желание занять важный пост легко доведут и до преступления, и до продажи души тому, кто испокон веков интересуется подобным товаром. А искреннее желание высветить темные страницы истории совсем не обязательно решит все проблемы разом. «Что кажется важным – завтра уже не будет существовать, а что сегодня для нас невидимо – вскоре на первый план выйдет... И якобы обнажая историческую правду, вы лишь замените ее на другую “картину мира”...»

Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям
Federal Agency for Press and Mass
Communications

Генеральная дирекция международных
книжных выставок и ярмарок
General Directorate for International Book
Exhibitions and Fairs

В программе:

Представление более 100 000 новых книг из всех регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья;
Поиск деловых партнёров, подписание контрактов, протоколов о намерениях, обмен идеями;
Экспонирование изданий на электронных носителях;
Научно-практические конференции, пресс-конференции, встречи с авторами, «круглые столы» и презентации;
Подведение итогов книжных конкурсов («Малая Родина», конкурс книоторговых предприятий РФ, антиприз «Абзац» и др.);

Приём и оформление заявок:

Генеральная дирекция
международных книжных выставок и ярмарок»
127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 16
www.mibf.ru, книжнаявыставка.рф
E-mail: mibf@mibf.ru
Тел.: +7 (495) 699-40-12, 699-97-90, 699-40-34
Факс: +7 (495) 650-64-14, 609-01-32, 699-11-10
Отдел рекламы:
Тел /факс: +7 (495) 699-86-55,
тел.: +7 (495) 699-61-53
E-mail: mibf-press@mail.ru,
mibf-press@yandex.ru

Features of the programme

Over 100 000 new books from all regions of Russia, the CIS and foreign countries;
Scouting for business partners, signing of contracts, protocols of intentions, sharing the ideas;
Exhibiting publications on electronic carriers;
Scientific/practical conferences, press-conferences, meetings with authors, round tables and presentations;
Summing-up of the results of book competitions (competitions of the Russian Federation enterprises, Abzats anti-prize and others);

Registration of participants

General Directorate of International Book :
Exhibitions and Fairs
Malaya Dmitrovka St., 16, Moscow 127006
Phone: +7 (495) 699-34-66,
699-97-90, 699-40-12, 699-40-34
Fax: +7 (495) 699-11-10,
650-64-14, 609-01-32
E-mail: mibf@mibf.ru
www.mibf.ru

XIX МИНСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА

8-12 февраля 2012 г.

УВАЖАЕМЫЕ ГОСПОДА ИЗДАТЕЛИ, ПОЛИГРАФИСТЫ И КНИГОРАСПРОСТРАНТЕЛИ!

Министерство информации Республики Беларусь, ОАО «Белкнига», ПК ООО «Макбел»

Почетный гость – ВЕНЕСУЭЛА

ПРИГЛАШАЮТ ВАС ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В XIX МИНСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ КНИЖНОЙ ВЫСТАВКЕ-ЯРМАРКЕ

Выставка-ярмарка проводится в павильоне Национального выставочного центра «БЕЛЭКСПО» (г. Минск, ул. Я. Купалы, 27)

Торжественное открытие выставки-ярмарки – 8 февраля 2012 г. в 12.00.

День заезда – 7 февраля 2012 г.

Стоимость 1 кв. м. оборудованной выставочной площади – от 120 у. е.

При заказе экспонентами оборудованной площади: 12 кв. м и более – скидка 10 %, 24 кв. м. и более – скидка 20 %.

Для национальных и тематических коллективных экспозиций – скидка 10 %. Для вузовских издательств – скидка 20 %.

Организатором коллективной экспозиции российских издательств и фирм «Книги России» выступает Генеральная дирекция международных книжных выставок и ярмарок: Россия, 103006, Москва, ул. Малая Дмитровка, 16. Тел.: (8-495) 699-40-34, факс: (8-495) 609-01-32, e-mail: mibf@mibf.ru

ВНИМАНИЕ! ТОЛЬКО У НАС!

Представители книготорговых организаций, книжных магазинов, библиотек и учебных заведений
получат аккредитацию бесплатно при условии оформления заявки на участие до 31.01.2012 г.

По всем вопросам обращаться в Исполнительную дирекцию: ПК ООО «Макбел», 220005, г. Минск, ул. Гикало, 4.

Тел.: (8-1037517) 293-09-31, факс: (8-1037517) 293-01-31. e-mail: makbel@makbel.by, www.makbel.by.

ОАО «Белкнига», 220089, г. Минск, ул. Железнодорожная, 27-А. Тел./факс: (8-1037517) 222-89-45, e-mail: office@belkniga.by

**По вопросам размещения рекламы
в изданиях ИД «Книжное обозрение»
обращайтесь**

по тел. (495) 955-79-70

e-mail: adv@knigoboz.ru, nabokova@knigoboz.ru

Свежий номер «КО» можно купить в магазинах:

В Москве:

«Библио-Глобус» ст. м. «Лубянка»,
ул. Мясницкая, 6. Тел. 924-46-80

«Гиперион-БУК» ст. м. «Римская»,
«Площадь Ильича», ул. Рабочая,
38. Тел. +7 916 613 42 86

«Джаббервоки»
ул. Покровка, 47/24,
стр. 1. Тел. (495) 917-59-44

«Додо» Рождественский бульвар,
д.10/7. Тел. (495) 628-67-38

Книжная лавка при Литинституте
им. А.М.Горького
ст. м. «Тверская»,
Тверской бул., 25. Тел. 694-01-98

Книжная лавка ВГБИЛ
ст. м. «Таганская»-кольцевая,
«Китай-город»,
ул. Никольямская, 1, центральный
вход. Тел. 915-31-00

«Книжный при музее»
(«Циолковский») ст. м. «Лубянка»,
Новая площадь, 3/4,
Политехнический музей,
подъезд 7Д. Тел. 628-64-42

«Молодая гвардия»

ст. м. «Полянка»,
ул. Б. Полянка, 28. Тел. 238-50-01

Московский Дом книги

ст. м. «Арбатская»,
ул. Новый Арбат, 8.
Тел.: 203-82-42, 203-75-60

«Москва» ст. м. «Пушкинская»,
«Тверская», ул. Тверская, 8.
Тел. 629-64-83

«Книжница»

ст. м. «Таганская»-кольцевая,
ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. 915-27-97

«Фаланстер»

ст. м. «Пушкинская»,
Малый Гнездиковский пер.,
12/27. Тел. 749-57-21

В Санкт-Петербурге:

ООО «Санкт-Петербургский
Дом книги»

Невский просп., 28.
Тел. (812) 448-23-55

Частное учреждение культуры
«Дворец культуры им. Крупской»
Проспект Обуховской обороны,
105. Тел. (812) 412-45-08

В Иркутске:

«Мир книг»

ул. Фурье, 8. Тел. (3952) 24-05-98

«Книга-маркет»

ул. Улан-Баторская, 2.
Тел. (3952) 52-63-39

«Иркутская книга»

ул. К. Маркса, 12.
Тел. (3952) 201-911

«ПродаЛитЪ»

ул. Байкальская, 172.
Тел. (3952) 51-30-70

«ТЦ ПродаЛитЪ»

ул. Партизанская, 1.
Тел. (3952) 20-66-07

«ПродаЛитЪ»

Советский пер., 1.
Тел. (3952) 51-82-95

г. Ангарск:

«Ангарский ПродаЛитЪ»
ул. Ленина, 30.
Тел. (3951) 52-82-69

г. Братск: «Братская книга»
ул. Крупской, 27.
Тел. (3953) 42-85-06

г. Улан-Удэ: «Книжный ряд»
ул. Шумяцкого, 3а.
Тел. (3012) 42-06-83

г. Шелехов: «Шелеховский
ПродаЛитЪ»
5-й квартал, 23а.
Тел. (39510) 4-41-01

В Нижнем Новгороде:

Сеть магазинов «Дирижабль»:
ул. Большая Покровская, 46.
Тел. (831) 434-03-05
ул. Большая Покровская, 46.
2-й этаж – Литературное кафе
«Библиотека»
Тел. (831) 433-89-34
ул. Белинского, 118.
Тел. (831) 278-78-47
ул. Щербакова, 2.
Тел. (831) 270-45-66
ул. Советская, 19/2.
Тел. (831) 246-37-85

В Таганроге:

Магистр-Таганрог
ул. Петровская, 42.
Тел. (824) 32-40-01

В Волгодонске:

Магистр-Волгодонск
ул. 30-летия Победы, 9.
Тел. (292) 7-43-78

В Ставрополе:

Магистр-Ставрополь
ул. Голенева, 49.
Тел. (8652) 26-62-95

В Ростове-на-Дону:

Сеть магазинов «Магистр»
Магистр-Чехова
ул. Чехова, 31.
Тел. (863) 263-53-31
Магистр-Универсальный
ул. Б. Садовая, 67.
Тел. (863) 299-98-96
Магистр
ул. Зорге, 68.
Тел. (863) 266-09-10

Магистр-Северный
ул. Королева, 22/30.
Тел. (863) 248-63-87

В Молдове:

"Liga Presei"
Chisinau. bd. Stefan cel 196.
Тел. +373-22-21-85

В Риге:

Sia Yanus:
Рига, ул. Езусбазницас, 7а.
Тел. магазина (+371) 722-17-78,
722-17-76. Тел. оптового склада
(+371) 722-14 67

На Украине:

ДП «Саммит-книга»
г. Киев, ул. М. Берлинского, 9.
Тел. +380-44-501-93-94

В Берлине:

«Русские книги» Кантштрассе 84
10627.
Тел. 030/323-48-15
Русский дом науки и культуры
«Русские книги»
Фридрихштрассе 176-179 10117.
Тел. 030/200-76-164

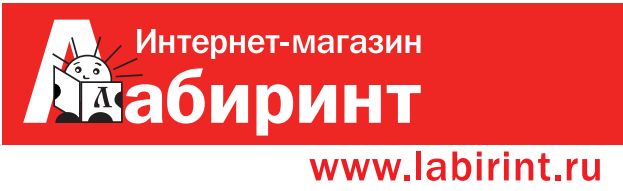
бестселлеры

Рейтинги продаж интернет-магазинов

место	автор, название, издательство
1.	Уолтер Айзексон. Стив Джобс . М.: АСТ, Corpus, 2011.
2.	Гражданин Поэт. 31 номер художественной самодеятельности. Граждане бесы (+ DVD-ROM). М.: КоЛибри, 2011.
3.	Архимандрит Тихон. «Несвятые святые» и другие рассказы . М.: Сретенский монастырь, ОЛМА Медиа Групп, 2011.
4.	Ника Белоцерковская. Про еду. Про вино. Прованс . М.: Эксмо, 2011.
5.	Леонид Парфенов. Намедни. Наша эра. 2001–2005 . М.: КоЛибри, 2011.
6.	Энтони Горовиц. Дом шелка. Новые приключения Шерлока Холмса . М.: СЛОВО/SLOVO, 2011.
7.	Стивен Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности . М.: Альпина Паблишер, 2011.
8.	Макс Фрай. Дар Шаванахолы. История, рассказанная сэром Максом из Ехо . СПб.: Амфора, 2011.
9.	Глеб Архангельский. Ежедневник. Метод Глеба Архангельского (классический, датированный 2012) . М.: Альпина Паблишер, 2011.
10.	Сталик Ханкишиев. Казан, мангал и другие мужские удовольствия . М.: Астрель, 2011.

место	автор, название, издательство
1.	Рони Орен. Секреты пластилина . М.: Махаон, 2011.
2.	Гражданин Поэт (+DVD). М.: КоЛибри, 2011.
3.	Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы . М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
4.	Виктория Серова. Вырезаем снежинки . М.: АСТ, 2011.
5.	Макс Фрай. Дар Шаванахолы: История, рассказанная сэром Максом из Ехо . СПб.: Амфора, 2011.
6.	Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак. Правдивая история Деда Мороза . М.: Лабиринт, 2011.
7.	Людмила Петрановская. Что делать, если...—2: Продолжение полюбившейся и очень полезной книги . М.: Аванта+, 2011.
8.	Дик Кинг-Смит. Леди Дейзи . М.: Махаон, 2011.
9.	Мария Кутова. Сказки от слез . М.: Речь, 2011.
10.	Людмила Петрановская. Что делать, если... М.: Аванта+, 2011.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИНТРЕЙД КОРПОРЕЙШН»

разыскивает следующих переводчиков книг А. Дюма или их право наследников для заключения лицензионных договоров:

— Л. Дерябину;

— Н. Долгину;

— Г. Галкину;

— Н. Друзину;

— Е. Овсянникову.

Контактный телефон/факс 8(495)- 691-12-66

Глас народа

За время, прошедшее с момента последнего выпуска рейтингов бестселлеров «КО», в них произошли разительные перемены. Сказались и неоднозначные результаты выборов, и свершившаяся вслед за ними активизация деятельности гражданского общества. Да и издатели, будто сговорившись, выстрелили целым рядом интересных новинок аккурат под конец года.

Начнем по традиции с топ-10 художественных книг в переплете. На первой позиции здесь новинка — «Пражское кладбище» Умберто Эко. Действие разворачивается почти целиком во Франции, но последствия этой интриги трагически поразят потом целый мир. В центре событий довольно скоро окажется Россия, где в 1905 году была впервые напечатана знаменитая литературная подделка «Протоколы сионских мудрецов». Следом идет не менее громкая премьера — «S.N.U.F.F.» Виктора Пелевина. Название романа — аббревиатура, смысл которой раскроется, когда книга будет прочитана до конца. Как говорится в аннотации Пелевина, «это роман о глубочайших тайнах женского сердца и высших секретах летнего мастерства». Стартовый тираж книги — 150 тысяч экземпляров: совсем неплохо для российского книжного рынка. В новичках оказалась и Сесилия Ахерн. Злоключения главной героини романа «Время моей Жизни» — тридцатилетней Люси — наверняка найдут отклик среди наших читателей: неинтересная работа, одиночество, а главное — разлука с любимым. Блейк, ведущий телешоу о путешествиях и кулинарии, бросил ее, и теперь Люси видит его только по телевизору. Победитель «Большой книги» Михаил Шишкин стартует с восьмой позиции.

Кардинальному обновлению подверглась и тройка лидеров нехудожественных книг в переплете. В лидерах здесь «Стив Джобс» Уолтера Айзексона. В основу этой биографии легли беседы с самим Стивом Джобсом, а также с его родственниками, друзьями, врагами, соперниками и коллегами. Джобс никак не контролировал автора. Он откровенно отвечал на все вопросы и ждал такой же честности от остальных. А идущая в прокате лента «Высоцкий. Спасибо, что живой» способствовала попаданию в рейтинг сразу двух книжек — «Иллюстрации к стихам и песням В.Высоцкого» Михаила Шемякина и «Выйти живым из боя» самого поэта.

Людмила Шибанова

переплет

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1.	(-1) Умберто Эко. Пражское кладбище . М.: Астрель, Corpus, 2012.
2.	(-1) Виктор Пелевин. S.N.U.F.F. М.: Эксмо, 2012.
3.	(5/2) Гражданин Поэт (+DVD) . М.: КоЛибри, 2011.
4.	(-1) Макс Фрай. Дар Шаванахолы: История, рассказанная сэром Максом из Ехо . СПб.: Амфора, 2011.
5.	(1/3) Энтони Горовиц. Дом шелка: Новые приключения Шерлока Холмса . М.: СЛОВО/SLOVO, 2011.
6.	(6/4) Артур Перес-Реверте. Осада, или Шахматы со смертью . М.: Эксмо, 2011.
7.	(-1) Сесилия Ахерн. Время моей Жизни . М.: Иностранка, 2012.
8.	(-1) Михаил Шишкин. Письмовник . М.: АСТ, Астрель, 2011.
9.	(2/7) Борис Акунин. Смерть на брудершафт. Операция «Транзит». Батальон ангелов . М.: АСТ, Астрель, 2011.
10.	(4/2) Стефани Майер. Рассвет . М.: АСТ, 2011.

обложка

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1.	(-1) Сергей Тармашев. Древний. Расплата . М.: АСТ, 2012.
2.	(-1) Александр Зорич. S.T.A.L.K.E.R. Группа эскорта . М.: АСТ, 2011.
3.	(1/3) Кирилл Венедиктов. Миллиардер—3. Кн. 3: Конец игры . М.: Этногенез, АСТ, 2011
4.	(2/2) Дмитрий Глуховский. Метро 2033. Осада рая . М.: Этногенез, АСТ, 2011.
5.	(3/4) Игорь Вардунас. Метро 2033. Ледяной плен . М.: Этногенез, АСТ, 2011
6.	(4/7) Сергей Тармашев. Древний. Вторжение . М.: АСТ, Астрель, 2011.
7.	(5/7) Грант Макмастер. Метро 2033. Британия . М.: АСТ, Астрель, 2011.
8.	(6/4) Игорь Алимов. Дракон. Кн. 3: Иногда они возвращаются . М.: Этногенез, АСТ, 2011
9.	(7/5) Татьяна Полякова. Трижды до восхода солнца . М.: Эксмо, 2011
10.	(8/6) Шимун Врочек. Рим. Кн. 1: Последний легат . М.: Этногенез, АСТ, 2011.

Non-fiction

переплет

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1.	(-1) Уолтер Айзексон. Стив Джобс . М.: АСТ, Corpus, 2011.
2.	(-1) Дмитрий Быков. Календарь—2. Споры о бесспорном . М.: Астрель, 2012.
3.	(2/6) Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы . М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
4.	(1/5) Маргарита Королева. Правила сытой стройности. Королевский рацион . М.: АСТ, 2011.
5.	(3/2) Леонид Парфенов. Намедни. Наша эра. 2001–2005 . М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012.
6.	(-2) Ника Белоцерковская. Про еду. Про вино. Прованс . М.: Эксмо, 2011.
7.	(-1) Владимир Высоцкий. Выйти живым из боя...+CD . СПб.: Амфора, 2012.
8.	(-3) Алексей Ковальков. Методика доктора Ковалькова: Победа над весом . М.: Эксмо, 2011
9.	(-1) Михаил Шемякин. Иллюстрации к стихам и песням В.Высоцкого . СПб.: Вита Нова, 2011
10.	(6/5) Анатолий Вассерман. Скелеты в шкафу истории . М.: АСТ, 2011.

обложка

место	автор, название, издательство (пред. нед. / всего нед.)
1.	(1/5) Стивен Харви. Вы ничего не знаете о мужчинах . М.: Эксмо, 2011.
2.	(3/5) Игорь Борщенко. Изометрическая гимнастика доктора Борщенко. Позвоночник и суставы: Полный курс упражнений . М.: АСТ, Астрель, 2011.
3.	(-1) Анатолий Ситель. Точка боли. Уникальный массаж пусковых точек боли . М.: АСТ, 2011.
4.	(2/72) Стивен Р. Кови. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности . М.: Альпина Паблишер, 2011.
5.	(-1) Покажи мне, как. 500 самоучителей в одной книге . М.: АСТ, 2011.
6.	(4/156) Аллен Карр. Легкий способ бросить курить . М.: Добрая книга, 2008.
7.	(5/65) Юлия Гиппенрейтер. Продолжаем общаться с ребенком. Так? М. : АСТ, 2009.
8.	(6/105) Дмитрий Щеглов. Фаина Раневская: «Судьба-шлюха» . М.: АСТ, 2008.
9.	(7/3) 7 поварят. Обед из духовки . М.: Астрель, 2011.
10.	(9/17) Масару Ибука. После трех уже поздно . М.: Альпина нон-фикшн, 2011.

Рейтинги составлены по результатам продаж в торговых сетях «Амадеос», «Амиталь», «Новый книжный», «Буква», «Лабиринт», «Магистр», «Буквоед», «Книжный клуб «36.6», «У Сытина», «Молодая гвардия», в московских магазинах «Библио-Глобус», «Московский Дом книги на Новом Арбате».

«Книжное обозрение» заинтересовано в расширении списка наших партнеров, предоставляющих информацию о сбыте.

ПОДПИСКА – 2012

Уважаемые читатели!

В этом году газете «Книжное обозрение» исполнилось 45 лет! «Книжное обозрение» – самая авторитетная в России цветная газета о книгах и книгоиздании. В ней вы найдете самую актуальную информацию о книжных новинках во всех сегментах литературы, тематические рубрики, рейтинги продаж, аналитические материалы и обзорные статьи о ведущих писателях и книжном сообществе. Также существует профессиональное приложение «PRO», которое содержит в себе все новости книжного бизнеса.

«Книжное обозрение» – 45 лет вместе с вами! Спешите подписаться!

Ф. СИ-1		Информационная карта									
АБОНЕМЕНТ = ☐ <small>полная стоимость</small>		☐ <small>по льготной цене</small>									
Газета: Книжное обозрение		Кодовый номер: <input type="text"/>									
на 2012 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Кому: <input type="text"/>		<input type="text"/>									
<small>(полное наименование)</small>		<small>(индекс)</small>									
Кому: <input type="text"/>		<input type="text"/>									
<small>(фамилия, имя, отчество)</small>		<small>(фамилия, имя, отчество)</small>									
Доставочная карточка											
ПЗ	ЖАК	ЖК	ЖЗ								
☐	☐	☐	☐								
Газета: Книжное обозрение		Кодовый номер: <input type="text"/>									
<small>(полное наименование)</small>		<small>(индекс)</small>									
Срок: ☐ <small>подписка</small>	☐ <small>подписка</small>	☐ <small>подписка</small>	☐ <small>подписка</small>								
ЖЗ	ЖАК	ЖК	ЖЗ								
☐	☐	☐	☐								
на 2012 год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐
Кому: <input type="text"/>		<input type="text"/>									
<small>(полное наименование)</small>		<small>(индекс)</small>									
Кому: <input type="text"/>		<input type="text"/>									
<small>(фамилия, имя, отчество)</small>		<small>(фамилия, имя, отчество)</small>									

**На всей территории России
продолжается подписка
на газету
«Книжное обозрение»
на первое полугодие!**

(Стоимость с доставкой уточните у оператора почтового отделения)

Подписка осуществляется:

По объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый);
для подписчиков Москвы – стр. 146.

Индекс 50051 – газета «Книжное обозрение»;

Индекс 83102 – газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

По каталогу российской прессы «Почта России»;

Индекс 12823 – газета «Книжное обозрение»;

Индекс 12786 – газета «Книжное обозрение»

с PROфессиональным приложением и списком вышедших книг (распространяется ТОЛЬКО по подписке).

**Подписку можно оформить
в почтовых отделениях связи**

Вниманию читателей!

Приложение «PRO» в розницу не распространяется

Подписка через альтернативные агентства подписки

ООО «Информ-система». Тел. +7 (499) 124-04-79; факс +7 (499) 124-99-38; e-mail: info@informsystema.ru

ООО «Информнаука». Тел. +7 (495) 787-38-73; факс +7 (495) 152-54-81; URL: www.informnauka.com; e-mail: alfimov@viniti.ru

ЗАО «МК-Периодика». Тел. (495) 672-70-12; e-mail: info@periodicals.ru; URL: www.periodicals.ru

ООО «Интер-Почта-2003». Подписка только в России.

Тел. +7 (495) 500-00-60; факс +7 (495) 788-00-60; URL: www.interpochta.ru; e-mail: interpochta@interpochta.ru

ООО «Деловая Пресса». Тел.: +7 (8332) 37-72-03, +7 (8332) 37-72-04; e-mail: delpress-zakaz@yandex.ru

ООО «Агентство «Артос-ГАЛ»». Подписка для юридических лиц на территории европейской части России и на Украине.

Тел.: (495) 981-03-24, 788-39-88; e-mail: artos-gal@mail.ru.

ООО «Союзпресс». Подписка в России и Белоруссии. Тел. +7 (495) 675-09-40.

ООО «УРАЛ-Пресс». Подписка в России и странах СНГ. Тел. +7 (495) 961-23-62; e-mail: moscov@urarl-pess.ru

ООО «Информ Сервис». Подписка по регионам России и странам дальнего и ближнего зарубежья.

Тел. +7 (495) 651-82-19; e-mail: abcnwpress@gmail.com

ООО «Прессмарк». Тел. (8) 8352-55-10-68; (8) 8352-55-10-93; e-mail: podpiska@pressmark.cbх.ru

Подписка в Литве: Magazines.lt pr. Konstitucii 7, Vilnius LT-09308 Litva, tel.: +370 5248 7244, e-magazin: www.magazines.lt

Подписка на Украине: ООО «ПресЦентр», подписка для физических и юридических лиц. Тел. (1038044) 536-11-75;

URL: prescentr.kiev.ua; e-mail: market7@prescentr.kiev.ua

①

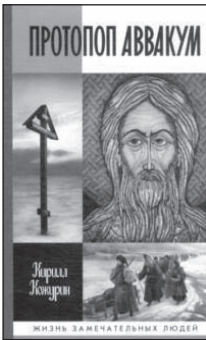
②

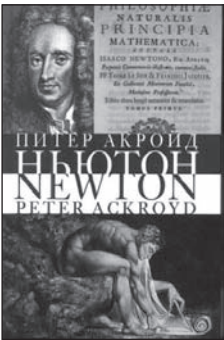
③

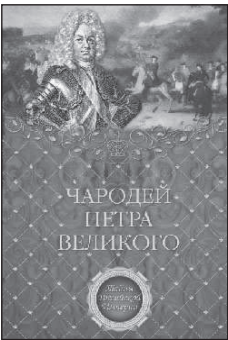
④

⑤

⑥

1

Романы и картины

Гессе Г.
Магия красок / Пер. с нем. М.Зоркой.
М.: Текст, 2011. – 109 с.: ил. Тираж не указан. (п)
ISBN 978-5-7516-0954-2

Небольшой сборник, в котором на равных соседствуют эссе, картины и стихи Германа Гессе. Автор «Игры в бисер» был неплохим художником — после него осталось примерно 3000 акварелей. Начал заниматься живописью Гессе при драматических обстоятельствах. Прославился в качестве литератора он, как известно, сочинением «Петер Каменцинд», и до Первой мировой войны успел написать еще несколько произведений. Публике они нравились. Но Гессе не нравилась война, о чем он не преминул честно написать в газете. И началось... Вчерашнего любимца интеллектуалов обвиняли и в трусости, и в предательстве, и в клевете. Тогда он, будучи на грани безумия и укрываясь в швейцарских горах от безумия всеобщего, взялся за кисти и краски: «От тоски, становившейся порой невыносимой, я нашел для себя выход, начав рисовать, чего никогда в жизни не делал, и даже попробовал писать картины... для меня это новое погружение в утешение искусством, которого не смогло мне практически дать сочинительство. Это как увлечение без страсти желаний, как любовь без претензий». Впрочем, сочинительство потом все-таки принесло Гессе Нобелевскую премию.

2

«От Константинополя до Москвы»

Витхамар А.
Энциклопедия русской иконы. История, сюжеты, школы, художественные особенности / Пер. с дат. Д.Никитичевой.
М.: БММ, 2011. – 264 с.: ил. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-88353-415-6

Данное издание не только красочное, но и научно-энциклопедическое, причем в числе консультантов автора выступали научные сотрудники Отдела древнерусского искусства Русского Музея Санкт-Петербурга. В тексте подробно рассматривается история иконописи, русские иконописные школы и распространенные иконографические сюжеты (приведено более двухсот цветных иллюстраций), рассказывается об иконах как спутниках верующего человека на протяжении всей его жизни. В заключении приводятся иконографический словарь и анализ икон с точки зрения коллекционирования и особенностей их реставрации: «Реставрация, проведенная без должного уважения стиливого своеобразия иконы, тоже, как правило, снижает ценность самой иконы». Помимо этого, чтобы читатель смог разобраться в надписях, присутствующих на иконах, дан церковнославянский алфавит.

3

Между Злом и Вечностью

Каплонский И.
Ангелы Монмартра: Роман.
М.: Снежный Ком М, 2011. – 432 с.: ил. – (Нереальная проза). 3000 экз. (п) ISBN 978-5-904919-24-4

Париж перед Первой мировой войной был городом искусств и любви. Здесь обитали молодые гении: Пикассо, Модильяни, Аполлинер... Но способно ли искусство сделать чудо и спасти мир? Русский художник видит таинственную незнакомку — а затем следуют ее пари с другим мужчиной на исполнение любого желания выигравшего, дуэль главного героя и роковая тайна героини. Но впереди у влюбленных встреча со странной парой. И однажды художник узнает, что «во времена Средневековья мы назывались более громко: «Мистерия «Врата Поражений». Тогда легенда о сумасшедшем ангеле, который борется со смертью, была еще жива в людской памяти. Инквизиция не давала нам покоя». Но самый актуальный

вопрос — найдется ли тот, кто рискнет сыграть роль спасителя человечества?

4

Борец за веру

Кожурин К.
Протопоп Аввакум: Жизнь за веру.
М.: Молодая гвардия, 2011. – 400 с.: ил. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-235-03454-9

Очень эмоциональное, неравнодушное повествование о жизни, судьбе и мученичестве одного из духовных вождей русских старообрядцев, написанное приверженцем старой веры. Аввакум родился в семье деревенского священника, в 21 год был рукоположен в дьяконы. Вскоре после того, как он оказался в Москве, началась церковная реформа Никона и гонения на «боголюбцев». 12 августа 1653 года Аввакум в Казанском соборе «лишние слова говорил» — и был взят под стражу и посажен на цепь. Потом — ссылка. Весной 1664 года его вернули в Москву, где он «имел беседы» с царским духовником протопопом Лукьяном Кирилловым о церковных догмах. Но Аввакум, не смотря на угрозы, остался верен старой вере. В апреле 1666 года открылся Московский собор под председательством царя Алексея Михайловича. Аввакум был расстрижен и предан церковному проклятию. Он провел в заключении 16 лет и был сожжен на костре в Пустозерске.

5

За гранью науки

Акройд П.
Исаак Ньютон. Биография / Пер. с англ. А.Капанадзе.
М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2011. – 256 с. 3500 экз. (п) ISBN 978-5-389-01754-2

Этот человек не только прославил яблоко — одно время в мире даже были сторонники идеи отмечать 25 декабря не Рождество, а день рож-

дения Исаака Ньютона. Ему было суждено стать основоположником современной физики и математики. Поначалу его мать боялась, что сын не выживет: роды были преждевременными, младенец — слабым. Однако он все же был благополучно крещен и назван Исааком в память о скончавшемся отце. Здоровье юного Ньютона вскоре выправилось, и прожил он долго. Школьный учитель уговорил мать Ньютона позаботиться о хорошем образовании для одаренного юноши — и тот отправился в Кембридж, в знаменитый Тринити-колледж. Среди научных заслуг Ньютона — открытие закона всемирного тяготения и трех законов классической механики, создание теории цвета. И все это совершенно не мешало ему быть весьма известным алхимиком и, помимо научных трудов, сочинять метафизические трактаты.

6

Судьба ученого

Филимон А.
Чародей Петра Великого.
М.: Вече, 2011. – 352 с. – (Тайны Российской империи). 2500 экз. (п) ISBN978-5-9533-6175-0

Яков Брюс был одним из самых энциклопедически образованных людей своей эпохи, во время Великого посольства работал в мастерской Исаака Ньютона и написал «Трактат о движении планет», ставший первой научной работой российского ученого, связанной с законом всемирного тяготения. Брюс был и одним из первых переводчиков на русский язык специальной и научной литературы. Почему же Брюс — один из лучших управленцев непростой петровской эпохи — был превращен народной молвой из ученого сановника в колдуна-чернокнижника, чей неуспокоенный дух до сих пор бродит по окрестностям? Автор не только анализирует многочисленные предания, связанные с Брюсом и Сухаревской башней, но и раскрывает загадку того самого «Брюсова календаря», который отличался от календаря, изданного в 1709–1715 гг. в типографии «под надзором Брюса».

Автор рецензий — Алекс Громов

Одд Локи

Хранилища и хранители

Юренева Т.
Музеи мира: История и коллекции, шедевры и раритеты.
М.: Эксмо, 2011. – 496 с.: ил. 4000 экз. (п) ISBN 978-5-699-39333-6

Прообразами музеев были царские и храмовые сокровищницы. И в Древнем Риме, где впервые в истории массово распространилось увлечение созданием частных коллекций, храмы продолжали оставаться не только святилищами, но и местами, куда приходили полюбоваться творениями выдающихся мастеров. Существовали даже специальные служители, в чьи обязанности входило показывать уважаемым посетителям картины и статуи, попутно излагая их историю. Плиний Старший писал, что находившаяся в храме Юпитера Капитолийского медная статуя собаки, зализывающей рану, считалась столь выдающимся художественным произведением, что «государственным решением было установлено, что хранители отвечают за нее головой». Столь же подробно и занимательно автор показывает эволюцию музейных учреждений от кабинетов редкостей до современных специализированных собраний.

Арти Д. Александер

Заметки путешественников

Мир глазами блоггера.
М.: Вече, 2011. – 240 с.: ил. 5000 экз. (п) ISBN 978-5-9533-2827-2

Это красочное издание, рассказывающее о 27 самых необычных и экзотических местах нашей планеты, которые посетили отечественные блоггеры. Среди них: известный российский блоггер и фотограф Павел Косенко, космонавт и фотограф Федор Юрчихин; писатель-сатирик Михаил Задорнов и многие другие. Среди тем: «Марсианские хроники» (пески Намибии), «Экспресс имени махараджей» (путешествие через шесть индийских городов и национальный парк), «Сказочный Каобанг» (дальняя провинция Вьетнама), «Земля длинных облаков» (Новая Зеландия)... В тексте приводится множество самобытных фотографий, а также интересные факты об истории этих далеких мест, древних традициях, а еще — «непричесанные», правдивые истории о сегодняшнем быте обитателей гор, пустынь, островов и отдаленных поселков.

фантастика

клуб

НОВОСТИ

Шаг для карьеры

Культовый писатель Рассел Хобан, автор книг «Амариллис день и ночь» («Amarylliss Night and Day»), «Мышь и ее дитя» («The Mouse and His Child») скончался на 87-м году жизни.

Хобан — сын эмигрантов из украинского городка Острог — родился в Пенсильвании. В 18 лет пошел в американскую армию, отправлен в Италию во время Второй мировой войны, где служил связистом, был награжден медалью Бронзовой звезды за храбрость в бою. Вернувшись в Америку, Хобан публикует свои первые произведения для детей. Его книги про барсука Фрэнсиса и Мышонка (самая известная из которых — «Мышь и ее дитя» 1967 года) считаются классикой современной детской литературы и ценятся критикой наряду с произведениями Андерсена и Милна. С 1973 года он начинает писать «взрослую» прозу: романы «Лев Воаз-Иахинов и Иахин-Воазов», «Кляйндайт», «Дневник черепахи», «Риддли Уокер», «Пильгерман».

Действие новеллы «Риддли Уокер» («Riddley Walker»), опубликованной в 1980 году и еще больше прославившей писателя, происходит через две тысячи лет после ядерного холокоста. Знаменитый Энтони Берджесс назвал ее «литературой, какой она должна быть».

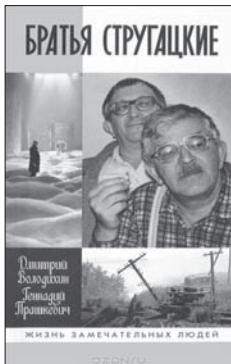
В 2002 году Хобан сказал: «Если я не пишу, то начинаю себя чувствовать физически плохо. Искусство и его создание поддерживают меня. Музыка Гайдна, картины Домье заставляют меня испытывать счастье от того, что я человек». И при этом добавил: «Смерть станет хорошим шагом для карьеры. Люди скажут: «Хобан? Да, кажется, он был интересным писателем, давайте прочитаем его книги еще раз...»»

Подготовил Даниил Мартин

О жизни и творчестве АБС написано уже немало. И для того чтобы сказать нечто новое в этой области, нужны, как мне кажется, иные, чем раньше, подходы, использование архивных материалов и т.д.

Что же есть в книге Володихина и Пращкевича? Есть много цитат из текстов АБС, обильно цитируется книга БН «Комментарии к пройденному», отрывки из интервью АН и БН, наконец, переписка Пращкевича с АБС. Но вот кое-чего нет — и это порождает вопросы.

Почему в книге нет практически ничего о центральной коллизии в советской фантастике 1970—1980-х, о противостоянии двух лагерей: АБС, вокруг которых группировались лучшие отечественные фантасты и члены ленинградского и московского семинаров молодых фантастов, — и издательства «Молодая гвардия»? Для сегодняшнего читателя поясню: «Молодая гвардия» — государственное издательство, выпускавшее долгие годы фантастику, убогую по замыслу и исполнению, а лагерь АБС, пользуясь современной политологической терминологией, был внесистемной оппозицией. Борьбу с «МГ», по признанию АБС, они считали для себя не менее важной, чем собственное творчество, о чем говорили и писали неоднократно.

Володихин Д., Пращкевич Г. Братья Стругацкие.

М.: Молодая гвардия, 2011. — 352 с. — (Жизнь замечательных людей). 5000 экз. (n) ISBN 978-5-235-03475-4

Почему в книге нет ни слова об издательстве «Текст», которое создавалось при активном участии АН и в котором вышло первое собрание сочинений АБС?

Почему упомянуто походя, «в пробор», что был-де в 1960-е годы такой фантаст, как А.Мирер? И ничего не сказано о том, что Мирер — один из ближайших друзей АН, эта дружба поддерживала АН долгие годы.

Почему вообще почти ничего не говорится о друзьях АН? Например, о тех, кто, согласно завещанию АН, 6 декабря 1991 г. развеял его прах в районе Рязанского шоссе? В книге приведена копия протокола, составленного в тот день. В протоколе шесть фамилий (шестой — пилот вертолета), из которых

Братья Стругацкие

в тексте упомянуты только двое: М.Ткачев и А.Мирер. Как можно ничего не сказать о других людях, которые присутствовали там тогда: о Ю.И. Чернякове, блестящем кардиотерапевте, который в течение 12 лет был личным врачом АН и — великая благодарность ему за это — продлил жизнь писателя не на один год? И о друзьях АН Юре Соминском и Мише Гуревиче, который был также главным редактором издательства «Текст» (ах да, мы же про «Текст» ничего не пишем...)?

Почему об одних событиях говорится правда, а о других — не вся, какая-то полуправда? Как, например, о московском семинаре и его бессменном старосте Виталии Бабенко,

который был также бессменным старостой Всесоюзного семинара молодых фантастов. В течение более десяти лет Бабенко делал труднейшую работу по консолидации нашей молодой — тогда! — фантастики, о чем многократно и прилюдно говорили и АН, и БН. Многие сегодняшние мэтры отечественной фантастики прошли через эти семинары.

Для взгляда в прошлое авторы книги пользуются какой-то странной оптикой, у которой стекла то ли с трещиной, то ли просто немые. Потому возникают постоянно некие фигуры умолчания, и жизнь литературы 1970—1980-х, и жизнь АБС предстают искаженными,

со смещенными пропорциями. В результате получилась не биография, которая должна максимально полно и объективно представить судьбу писателей в историко-культурном контексте, а скорее сочинение в модном ныне жанре альтернативной истории.

Понятно, вздохнет читатель, это все недостатки; а каковы же достоинства книги? Ответу двумя цитатами. Одна из «Сказки о Тройке»: «Проделана большая работа... добрые намерения... человек старался...» Вторая — из любимого АБС Булгакова: «Свистнуто, не спорю, действительно свистнуто...» Дальше, думаю, многие помнят.

Обжигаящая снедь

Елена Семенова

Никому не нужно представлять знаменитейший роман английской писательницы Мэри Шелли «Франкенштейн или Современный Прометей», который сегодняшние издатели уверенно каталогизируют как «классику готического триллера». Из этого романа, собственно, ноги многих последующих книжек растут. Вот, скажем, Питер Акройд «Дневник Виктора Франкенштейна» написал. Да много кто. Американская писательница Сюзан Хейбур О'Киф, довольно долго подвизавшаяся на ниве детской литературы, предложила аудитории вариант продолжения печальной и кровавой истории злополучного чудовища, которое, как вы помните, явственно не умерло на страницах классического произведения — и тем самым позволило вдохновившимся потомкам почем зря продлевать его судьбу. В означенном сочинении О'Киф капитан Роберт Уолтон, поклявшись отомстить за Виктора Фран-

кенштейна, как бы перехватывает у него эстафетную палочку долгой, изнурительной, изматывающей и опустошающей погони за монстром, в результате которой он сам благополучно превращается в безумного фанатика, одержимого одной мыслью — уничтожить.

Если не принимать во внимание первые главы, несколько ходульные и искусственные, где порой встречаются фразы, подобные такой: «*Решимость питала его обжигаящей снедью одержимости, наделяла жгущим желанием выжить...*» — а в прологе даже есть сцена, где матросы пытаются оттолкнуть корабль от айсберга, на который он налетел (заведомо глупое и бессмысленное действие!); если закрыть глаза еще на эзное количество технических ляпов, которые легко приписать неосведомленности автора или оставить на совести переводчика, то роман можно, не колеблясь,

поставить твердую удовлетворительную оценку. В нем, как положено хоррору, много жестокости, крови, хрустящих и ломающихся костей, мертвецов и кладбищ. Есть даже сцена, где чудовище нежно обнимается с уже тронутым разложением трупом («О, бедный Йорик!», поминая о том, что и он создан из мертвой материи. В процессе навязанной ему Уолтоном смертельной игры монстр пытается нащупывать в своей душе зачатки любви, дружбы, благоговения, которые вновь и вновь «вырезаются» из него ужасом и ненавистью тех людей, с которыми ему мало-мальски удается завязать отношения. Красная дорожка, начавшаяся с нежного Уильяма, беспрестанно окрашивается кровью новых жертв.

Конечно же, вы не отыщите здесь того экзистенциального величия, одиночества, отчаяния и опустошающего ужаса в сердце мятущегося ученого, скрывающегося то в горах Швейцарии, то

О'Киф С.Х. Чудовище Франкенштейна: Роман / Пер. с англ. В.Нугатова. М.: Астрель, Corpus, 2011. — 448 с. 3000 экз. (n) ISBN 978-5-271-36969-1

на уединенных Оркнейских островах, то несущегося на собачьей упряжке по ледяным пустыням Арктики. Все несколько проще, доступней, приземленней. Вашему суду предстанет добротная захватывающая повесть, наполненная мелодраматичными сценами, по счастью, не опускающимися в пошлую сентиментальность. Да, даже у столь ужасающего суще-

ства появляются поклонники, чувствующие изюминку в его мертвенной бледности, уродливых шрамах, пустом взгляде и непропорциональных конечностях (вспомним «Человек, который смеется»). Для пушного интереса О'Киф награждает сестру Уолтона — Маргарет — таким же безумным и мизантропичным нравом, как и у брата, который в конце концов сам начинает напоминать ловимое им чудовище (месть опустошает!). Вместе с Маргарет в повести появляется ее дочь Лили — такая же истеричная и непредсказуемая, как и ее мамочка, да еще гонимая ночью по болотам со сворой мастиффов и питбулей. Что касается чудовища, то оно, как ему и положено, влюбляясь и бесчинствуя, умиляется и обливается кровью, пытается понять — человек он или мертвец, тварь дрожащая или право имеет. В этом-то, видимо, и состоит его индивидуальный, фатальный и изматывающий саспенс.

Слэм и отрицание итогов

Александр Вознесенский

В Перми прошел ежегодный поэтический фестиваль «СловоNova», в третий раз собравший на берегах Камы поэтов со всей страны. Особенность фестиваля — представление поэтического текста в разных формах и на разных площадках: это авторские чтения, поэтический театр, лекции, дискуссии, презентации... Разнообразие фестивальных форм способствует наличие трех кураторов, каждый из которых гнет свою культурную линию: это декан филфака Пермского государственного педагогического университета Марина Абашева, режиссер и продюсер Эдуард Бояков и московский поэт Андрей Родионов, уже более года живущий в Перми.

Открытие фестиваля на сцене «Театр-Театр» началось, естественно, с поэзии — музыкального перформанса памяти Дмитрия Пригова. Тексты последнего прозвучали под музыку давнего друга Пригова, композитора Владимира Мартынова. Со стихами выступили Андрей Роди-

онов, Егор Сальников, Олег Груз, Владислав Дрожащих и другие. Здесь же была торжественно вручена премия «Слово» (30 тысяч рублей). Лауреатом ее стал Лев Рубинштейн — один из отцов-основателей и столпов московского концептуализма. Этому художественному течению, возникшему в 70–80 годы прошлого века, в рамках фестиваля было уделено особое внимание: в Педагогическом университете прозвучали лекции Владислава Кулакова и Юрия Орлицкого «Московский концептуализм. Причины и последствия», в Музее современного искусства PERMM открылась выставка «Архив МАНИ», посвященная Московскому Архиву Нового Искусства — собранию текстов, графики и других объектов, — формировавшемуся внутри московской концептуальной школы с 1988 года. Забегая вперед, скажем, что под занавес фестиваля был еще показан спектакль «Рубинштейн» (режиссер Эдуард Бояков), в котором в актерском

исполнении прозвучали тексты лауреата. А вторую фестивальную премию, «Nova», подразумевающую издание книги, присудили на закрытии молодому, но уже широко известному в Перми поэту Ивану Козлову.

Самым непосредственным проявлением современной поэзии и любви к ней народа оказался прошедший в пивбаре «Гвоздь» финал Всероссийского слэма. Было заявлено 18 участников из Вологды, Ижевска, Казани, Кирова, Красноярска, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Перми, Ставрополя, Тюмени. Ведущий Андрей Родионов разогревал публику, поэты зажигали, судьи из зрителей оценивали содержание и драйв трехминутных выступлений — а победительницей вышла прекрасная Анна Русс, за что и получила 20 тысяч рублей из призового фонда. После «слэмовиков» на сцене появилась питерская группа «Н.О.М.» — и веселье продолжалось.

Одним из главных книж-

ных событий фестиваля стала презентация очередного, третьего тома «Антологии современной уральской поэзии. 2004–2011». Как пишет в предисловии автор проекта и главный редактор издания, поэт Виталий Кальпиди, *«антология... — это не итог, а отрицание итогов... не фиксация, а постоянное создание территории»*. Антологию на фестивале представили неоднократно — в Музее современного искусства, на чтениях, в Доме Смышляева, где состоялось также вручение литературной премии Пермского края им. Алексея Решетова, присуждаемой каждые два года за лучшую поэтическую книгу. Лауреатом стал Андрей Санников (Екатеринбург) со сборником «Архангельские письма». Впрочем, двое других номинантов — популярный у молодежи Антон Бахарев-Черненко (дебютная книга «Живи сюда») и Юрий Асланьян («Печорский тракт») — тоже получили спецпризы.

Среди собственно поэтических чтений следует отме-

тить выступление петербуржца Александра Горнона, разрабатывающего индивидуальную поэтику полифоносемантики — когда в стихе звучит одновременно много смыслов. Он буквально завожрожил зрителей своей декламацией, а также представил видеOVERсию «Железобетонных поэм» Василия Каменского (пермяка, 50-летие со дня смерти которого исполнилось в этом году).

В клубе «Pravila» с успехом и обилием ненормативной лексики, вполне органичной для его стихов, читал знаменитый московский поэт Орлуша (Андрей Орлов), а после под гитару Гарик Осипов исполнял шансон советской эпохи. В музее PERMM выступили москвичи Федор Сваровский и Максим Амелин, приехавший из Киева Александр Кабанов и питерский поэт Евгений Мякишев. В театре «Сцена-Молот» был устроен «женский день гламурной поэзии» с участием Анны Русс, Галины Рымбу и Веры Полозковой.

В книжном магазине «Пиотровский» устроили онлайн перформанс Псоя Короленко «Раздача полезных книг». Музыкант, поэт, «молодежный филолог и акын» передал 50 книг из своей библиотеки организаторам фестиваля, сам же присутствовал в режиме скайп-сообщения. Раздачу книг Псой комментировал с экрана, распределяя книжки между собравшимися.

Новинкой в программе оказался фестиваль видеопоззии «Пятая нога-2011», ежегодные показы которого проходили до сей поры в Москве. В конкурсе, по итогам работы профессионального жюри, победил видеоролик Алексея Ушакова «Пустота» (поэзия — Галина Рымбу). В зрительском голосовании на первом месте оказалась работа Анны Толкачевой (в двух частях) на стихи Всеволода Некрасова «Свобода есть...». Весьма сильная видеопоззическая подборка этого года, по словам куратора Екатерины Тропольской, вскоре будет представлена в столице.

Первый пошел

Наталья Северная

С 1 по 4 декабря 2011 года впервые на Украине, при поддержке фонда СЭИП С.А. Филатова и «толстых» литературных журналов «Радуга» (Киев) и «Знамя» (Москва), прошел фестиваль русской литературы, собравший 26 поэтов и прозаиков из Киева, Вышгорода, Одессы, Донецка, Луганска, Днепропетровска, Марганца и Севастополя.

Из скученного, тесного Киева организаторы фестиваля устремились в живописный санаторий «Пуща Водица». Роскошный сосновый парк, озера, фонтаны, умиротворенная обстановка располагали к творческому одиночес-

тву, творческому содружеству и утонченной атмосфере — в которой и прошел фестиваль. У многих авторов, выдержавших конкурсный отбор, за плечами уже богатая творческая биография, литературные премии, изданные книги. Но были и дебютанты, только «пробующие на вкус» литературное мастерство. Казалось, это должно было создать неравные условия — но взаимное дружелюбие и общность интересов располагали к открытому и равноправному общению, а вечерние посиделки — к увлекательным беседам с мэтрами. Руководили мастер-классом прозы писатель

и сценарист Андрей Дмитриев и прозаик и публицист Юрий Ковальский; поэзии — заведующая отделом поэзии журнала «Знамя» Ольга Ермолаева и поэт и переводчик Владимир Каденко.

Первый блин не оказался комом — фестиваль прошел гладко. За основу была взята программа совещания молодых писателей в Липках — критический разбор текстов, «круглые столы» (были приглашены Максим Кронгауз и Дмитрий Бак), творческие встречи (с Ольгой Ермолаевой, Анатолием Крымом, Андреем Дмитриевым, Владимиром Каденко), «свободный микрофон». А самое

главное — общение и еще раз общение. Неизвестно, кто из молодых участников фестиваля останется в литературе, а кто займется другим делом, но теплые воспоминания все наверняка сохранят надолго.

Разбор рукописей обошелся без огульной, оскорбительной псевдокритики. Тут, как и в медицине, важен принцип «не навреди»: литераторы — люди ранимые, живущие «без кожи», потому отбить желание писать, внушить глубокую обиду на весь мир и отвращение к себе, бездарному, — проще простого. Но на фестивале все было по-доброму, и «критиковали» —

по делу. Конечно, авторам, отстаивающим свое мировоззрение, хотелось искать истину в жарком споре, был введен строгий регламент — чтобы охватить всех. Поэтому «настоящие разборы» зачастую начинались вечером — на диване в холле.

Но какая разница — где? Главное, что создана площадка для общения поэтов и прозаиков. А это дорогого стоит! Разобщенность и «творческое одиночество», хотя бы на короткое время, уступили место товариществу. Ведь одна из идей фонда СЭИП — создание единого, цельного русского литературного пространства. Хотя

многие участники фестиваля уже называли — да и ощущали себя — просто русскоговорящими, не имеющими никакого отношения к русской литературе. Наверное, самое важное, что они получили надежду: быть русским поэтом и прозаиком даже на Украине, где литература, тем более русская, не поддерживается и не поощряется, — еще не приговор. Были бы ощущение востребованности и нужности, выход к читателям и критикам.

По итогам фестиваля планируется издание сборника. И возможно, этот фестиваль будет именно первым — а не единственным...

В память о героях

Оргкомитет Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» объявляет о начале конкурсного года 2011–2012. 1 декабря начался прием заявок на участие в двух конкурсах: литературных исторических произведений и музейных мемориальных проектов. Сбор конкурсных заявок продлится до 12 июня 2012 года, а церемония награждения лауреатов приурочена к 12 сентября, дню Святого благоверного князя Александра Невского.

Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский» учреждена в 2004 году (учредители ОАО «Талион» и Союз писателей России). Она призвана поддержать интерес наших соотечественников к истории своей Родины, к лучшим музейным мемориальным проектам и литературным произведениям, посвященным историческим личностям нашего Отечества.

«Семь пройденных лет стали тем рубежом, который позволяет говорить о премии

как о состоявшемся и успешном начинании, востребованности которого со стороны нашего общества с годами не снижается. Это общественное признание придает нам уверенность и позволяет поставить перед собой новые цели и задачи, — отмечает Марина Гусева, руководитель оргкомитета премии. — Первое изменение, которое ждет конкурс в будущем году — это смягчение ограничений по историческому периоду, который могут затрагивать участвующие в конкурсе про-

изведения (ранее этот период включал историю от древнейших времен до 1945 года, теперь — до 1991 года включительно). В начале 2000-х мы разворачивали наш литературно-исторический конкурс в условиях явного кризиса в исторической науке и литературе, сопровождавшегося насаждением мифов и тенденциозностью в освещении событий и персонажей истории нашего Отечества. В этой обстановке во главу угла при оценке произведений мы поставили их историчес-

кую объективность, в том числе, сознательно ограничив себя 45-м годом для дополнительных гарантий полноты и доступности исторических сведений. Но годы идут, и новые герои уже становятся объектами истории. К тому же, за семь лет комиссия нашей премии стала авторитетным институтом по изучению современной русскоязычной исторической литературы, для обеспечения объективности и корректности решений которого, пожалуй, уже не требуется таких

жестких самоограничений...»

Премияльный фонд составит 1 800 000 рублей. Для каждого конкурса предусмотрены первая, вторая и третья премии и ряд специальных премий. Помимо денег, лауреаты первых трех премий будут награждены скульптурным изображением Святого Благоверного князя Александра Невского работы скульптора Эдуарда Мхояна. Все лауреаты, вошедшие в Отборный список, также получают денежное вознаграждение.

фрагмент

«Чернильная Кровь»

На мгновение Сажеруку показалось, что он никогда и не покидал эти края, — как будто ему просто приснился дурной сон, оставив неприятный вкус на языке, легкую тень на сердце и больше ничего... Вдруг все вернулось: знакомые звуки и запахи, которых он никогда не забывал, стволы деревьев в пятнах утреннего света, тень листьев на его лице. Листья уже окрасились желтым и красным, как и в том, другом мире, здесь тоже близилась осень, но воздух был еще совсем теплым. Он пах переспелыми ягодами, увядающими цветами — их были тысячи, их аромат кружил голову: бледные, как воск, соцветия, мерцающие в сумраке леса, голубые звездочки на тоненьких стебельках, такие нежные, что Сажерук ступал осторожнее, чтобы не растоптать их. Дубы, платаны, магнолии вокруг — как они устремлялись в небо! Он почти забыл, какими большими могут быть деревья, как толсты и высоки их стволы, как развесисты кроны, в тени которых могла бы укрыться целая кавалькада. Леса в том, другом мире были совсем молодыми. Он всегда чувствовал себя в них старым, ужасно старым, покрытым годами, словно ржавчиной. А здесь он снова был молод, лишь чуточку старше, чем грибы между корнями, лишь чуть выше, чем чертополох и крапива.

Но где же мальчик?

Сажерук оглянулся, ища его, и позвал:

— Фарид! Фарид!

Это имя стало ему за последние месяцы почти так же привычно, как свое. Но никто не отозвался. Лишь его собственный голос эхом прокатился между деревьями. Значит, это все же случилось. Мальчик остался в том мире. Что же бедняга будет там делать один-одинешенек? «Ну ладно, — думал Сажерук, в последний раз оглядываясь по сторонам, — он справится там куда лучше, чем ты. Ему ведь нравятся шум, скорость, многолюдность. К тому же ты его многому научил. С огнем он играет теперь почти так же ловко. Да, мальчик не пропадет». И все же на мгновение радость увяла в груди Сажерука, как растоптанный цветок, и утренний свет, только что веселый и приветный, показался безжизненным и бледным. Тот, другой мир снова обманул его. Да, тот мир и вправду отпустил его после стольких лет, но за это отобрал единственное, к чему он там привязался всем сердцем...

«Ну и какой же из этого опять-таки следует урок? — думал он, опускаясь на колени в мокрой от росы траве. — Лучше держи свое сердце при себе, Сажерук». Он поднял красный лист, полыхавший на темном мху, как язычок пламени. В том, другом мире таких листьев нет, правда? Да что это с ним? Он сердито выпрямился. «Эй, Сажерук! Ты вернулся! вернулся! — прикрикнул он на себя. — Забудь мальчишку! Да, его ты потерял, но за это получил обратно свой мир, целый мир! Ты получил его обратно! Поверь в это наконец! Поверь!»

Это оказалось непросто. Куда легче было поверить в несчастье, чем в счастье. Ему пришлось потрогать каждый цветок, прикоснуться к каждому стволу, растереть землю пальцами и почувствовать первый комариный укус, прежде чем он сумел наконец в это поверить.

Да, он вернулся. Он вправду вернулся. Наконец-то. И вдруг счастье ударило ему в голову, как бокал крепкого вина. Даже мысль о Фариде не могла теперь его омрачить. Страшный сон, продолжавшийся десять лет, кончился. Каким легким он себя чувствовал, легким, словно лист, из тех, что струились на него с деревьев золотым дождем.

Счастлив.

Запомни, Сажерук, каково оно на вкус, счастье.

Орфей действительно вчитал его на то место, которое он ему описал. Там было озерцо, поблескивающее между серо-

В издательстве «КоЛибри» готовится к выходу продолжение знаменитого «Чернильного сердца» Корнелии Функе — «Чернильная кровь». Огненный жонглер Сажерук — обитатель причудливой книги, волею судеб оказавшийся в реальном мире, — наконец-то смог найти того, кто вернет, «вчитает» его домой. И это начало другой истории.

белыми камнями в окаймлении цветущих олеандров, а в нескольких шагах от озера стоял платан, на котором жили огненные эльфы. Их гнезда лепились к светлomu стволу даже гуще, чем в его воспоминаниях. Непривычный взгляд принял бы их за осинные гнезда, но они были меньше и немного светлее, почти такие же светлые, как кора, отстававшая от высоко-го ствола.

Сажерук оглянулся и снова вдохнул воздух, по которому тосковал десять лет. Почти забытые ароматы мешались с теми, что бывали и в другом мире. Деревья, росшие у озерца, встречались и там, только намного моложе и меньше: эвкалипты и ольха склоняли к воде свои ветви, словно хотели окунуть листья в ее прохладу. Сажерук осторожно протиснулся сквозь их заросли на берег. Его тень упала на черепаху, и она неуклюже двинулась прочь. На камне сидела жаба, время от времени выстреливая длинным языком; она как раз заглотнула огненного эльфа. Эльфы роями носились над водой, издавая характерное жужжание, всегда звучавшее очень сердито.

Пора украсть у них кое-что.

Сажерук опустил колено на влажный камень. За его спиной послышался шорох, и он поймал себя на том, что ищет глазами темную шевелюру Фариды и рогатую голову Гвина. Но это продолжалось лишь мгновение, потом он разглядел ящерицу, взбирающуюся на соседний камень, чтобы погреться на осеннем солнце. «Дурак! — сказал он себе. — Забудь о мальчишке, а куница, уж конечно, по тебе не скучает. Кроме того, у тебя были причины оставить ее там, веские причины».

Его отражение дрожало на темной воде. Лицо было прежним. Шрамы, конечно,

никуда не делись, но новых повреждений, слава богу, не появилось: ни вдавненного носа, ни негнушейся ноги, как у Кокереля. Все на месте. Даже голос... Этот Орфей, похоже, и вправду свое дело знает.

Сажерук ниже склонился над водой. Где они сейчас? Помнят ли его? Синие феи не помнили лиц уже через несколько минут. А эти? Десять лет — долгий срок, но считают ли они годы?

Вода дрогнула, и в его отражении проглянули другие черты. Лягушачьи глаза на почти человеческом лице, длинные волосы, путающиеся в воде, словно водоросли, такие же зеленые и тонкие. Сажерук окунул пальцы в холодную воду, и оттуда высунулась другая рука, узкая и тонкая, как у ребенка, покрытая крошечными, почти незаметными чешуйками. Влажный пальчик, холодный, как вода, из которой он поднялся, коснулся его лица и заскользил по шрамам.

— Да, мое лицо не скоро забудешь, правда? — Сажерук говорил тихо, почти шепотом. Русалки не любят громких голосов. — Значит, ты помнишь шрамы. А помнишь ли ты, о чем я всегда просил вас, приходя сюда?

Лягушачьи глаза блеснули на него чернотой и золотом, и русалка исчезла, словно только привиделась ему. Спустя несколько минут уже три их всплыло над темной водой. Плечи, белые, как лепестки лилии, виднелись у самой поверхности, а хвосты, покрытые разноцветной чешуей, как брюхо окуня, извивались в глубине, теряясь из глаз.

Мошкара, кружившая над водой, впи- валась в лицо и пальцы Сажерука, будто только его и ждала все время, но он почти не замечал укусов. Русалки не забыли его:

ни его лица, ни того, что ему от них требовалось, чтобы приручить огонь. Они протянули к нему руки из воды. Крошечные пузырьки воздуха поднялись на поверхность, неся с собой их беззвучный смех. Русалки взяли его руки в свои и принялись гладить его плечи, лицо и шею, пока его кожа не стала такой же прохладной, как у них, и не покрылась таким же тонким защитным слоем ила, как их чешуя.

И вдруг они исчезли — так же внезапно, как появились. Их лица ушли в темную глубь озера, и Сажерук готов был, как всегда, поверить, что русалки ему просто приснились — если бы не эта прохлада на коже, не легкий блеск рук.

— Спасибо! — шепнул он, хотя на поверхности воды дрожало лишь его собственное отражение.

Он пробрался через олеандровые кусты и беззвучно зашагал к огненному дереву. Был бы здесь Фарид, он бы сейчас скакал от восторга по мокрой траве, как жеребенок...

Платье Сажерука, когда он остановился у платана, было облеплено влажной от росы паутиной. Нижние гнезда висели так близко, что он без труда мог засунуть руку в отверстие. Он запустил в гнездо смоченные русалками пальцы, и эльфы сердито метнулись было ему в лицо, но он успокоил их ласковым жужжанием. Если взять верную ноту, их возбужденное кружение быстро замедлялось, жужжание и брань становились сонными, и в конце концов их крошечные горячие тела опускались ему на плечи, обжигая кожу. Но как бы больно Сажеруку ни было, он не смел дернуться или стряхнуть эльфов, а только засовывал пальцы поглубже в гнездо, пока не нащупывал то, что искал: их огненный мед. Пчелы кусаются, а огненные эльфы прожгли бы ему кожу насквозь, если бы над ней раньше не потрудились русалки. Но даже с такой защитой лучше было не проявлять чрезмерной жадности, обворовывая эльфов. Если возьмешь слишком много, они кинутся тебе в лицо, спалят кожу и волосы и не отвяжутся от грабителя, пока он не свалится, корчась от боли, у корней их дерева.

Но Сажерук никогда не бывал так жаден, чтобы рассердить их. Он доставал из гнезда лишь крошечный комочек, размером с ноготь, больше ему пока и не нужно было. Продолжая тихонько жужжать, он заворачивал липкую добычу в древесный лист.

Огненные эльфы очнулись, едва Сажерук замолк, и принялись носиться вокруг него все быстрее и быстрее, а голоса их становились все громче, как угрожающее бурчание шмеля. Но нападать на него они все же не стали. Нельзя было смотреть на них, нужно было притворяться, будто вовсе их не замечаешь, неспешно повернуться и идти прочь медленным, очень медленным шагом.

Эльфы еще немного покружились над ним, но потом отстали, и Сажерук зашагал вниз по течению ручья, вытекавшего из русалочьего озера и вившегося между ивами, ольхой и зарослями тростника.

Он знал, куда течет ручей: на север, из Непроходимой Чащи, в которую редко забредал человек, туда, где лес принадлежал людям и где топор так быстро прореживал заросли, что деревья по большей части умирали раньше, чем их кроны могли бы укрыть от непогоды хотя бы одного всадника. Ручей поведет его по постепенно расширявшейся долине между холмами, на которые не ступала нога человека, потому что там живут великаны, медведи и существа, которым никто еще не дал имени. Когда-нибудь на этих склонах появится первая хижина угольщика, первая прогалина в густых лесных зарослях, и есть надежда, что Сажерук найдет там не только фей и русалок, но и нескольких давно пропавших людей.

Перевод с немецкого Марии Сокольской

штудии

фарли моуэт

Плач по Человеку...

Евгений Рудашевский

В этом году девяностолетие отметил один из лучших писателей Канады, известный путешественник, борец за сохранение окружающей среды, лауреат всевозможных премий, а по совместительству — заслуженный оленевод Колымского совхоза. Речь, конечно же, о Фарли Моуэте.

Фарли Моуэта хорошо знают в современной России. Его книги переизданы многотысячными тиражами... Как бы я хотел начать статью этими словами. Но это было бы не то что преувеличением — это было бы ложью. Потому что сегодня в России о Моуэте забыли. И забыли не по праву.

О нем можно многое рассказать. Чтобы не путаться, мешая факты и эмоции, я начну по порядку. Прежде всего, Фарли Моуэт — замечательный человек. Об этом говорили те, кто с ним общался, и это чувствуется в его текстах.

Далее, Моуэт — это человек, которому всегда и до всего есть дело. Он выступал против агрессии во Вьетнаме, ратовал за ядерное разоружение, боролся с промышленниками, отравлявшими Канаду кислотными дождями. И наконец, Фарли — писатель, книги которого опубликованы пятнадцатимиллионным тиражом.

Его произведения привлекают откровенностью. Он не боится показать себя слабым, не скрывает ошибок. В этом — психологическая достоверность каждой истории. Добавьте сюда истинный гуманизм (бескорыстный в своих проявлениях — и потому настолько редкий в нашем обществе), превосходное чувство юмора, любовь к природе и животным — и вы получите ту самую прозу, которой известен Фарли Моуэт.

Возвратившись с фронтов Второй мировой, Моуэт поступил на службу изучения природной жизни Канады — и вскоре уже опубликовал свою первую книгу «Люди оленьего края», в которой рассказал о племенах канадских эскимосов. Эскимосы-ихалмюты вымирали из-за голода, а правительство отказывалось даже признать сам факт их существования. Общество проигнорировало книгу Моуэта, чиновники обвинили его в фальсификации.

Однако это не остановило писателя, и вскоре он, вернувшись из очередного путешествия по канадской Арктике, издал книгу «Отчаявшийся народ», где доступно объяснил причины бедственного положения эскимосов. Цивилизованный человек, пришедший на их земли, всего за 30 лет сумел разрушить тысячелетние устои. Это была «хроника

Фарли Моуэт

длинной цепи ошибок, пренебрежения, непонимания, безучастности и бюрократизма, из-за которой одна раса привела другую к физической агонии и моральным мукам».

Эти две книги стоит прочитать хотя бы для того, чтобы узнать о человеке чуточку больше и — расстроиться, а вместе с тем — задуматься. Ведь все эти истории — о людях. О торговцах пушниной, использовавших ихалмютов. О чиновниках, не замечавших трагедии. О миссионере, который однажды прилетел на большом самолете к эскимосам. То было время страшного голода; смерть не покидала эти края; к тому же в начале века белый человек привез с собой и свои болезни... Эскимосы выбежали навстречу миссионеру, уверенные, что тот доставил им еду — не зря же пролетел столько километров на такой машине. А он вышел к ним с Библией и наставлениями. Самолет был пуст.

Другой миссионер тогда же писал об ихалмютах: «Попасть на небо важнее для эскимоса, чем излечиться от туберкулеза». Третий священник в официальном отчете указал: «Только ревностная проповедь Евангелия, по моему мнению, может спасти их поселения от гибели».

Канадцы истребили многомиллионные стада карибу (олени-тукту). Позже гибель оленей объяснили... прозорливостью волков — и началась компания уже по их

истреблению. В ответ на это Моуэт написал «Не плачь, волк» («Never cry Wolf») — пожалуй, одну из лучших своих книг. Он рассказывал о том, как наблюдал за волками, как жил с ними и — буквально — был на их языке; рассказал об удивительном и почти неизвестном мире волков — далеко не таких кровожадных, как то представляется обывателю. Фарли Моуэт первым заговорил о том, что эти хищники питаются только ранеными или больными оленями, то есть выступают естественными санитарами, очищающими стадо от плохой наследственности, а обычно же питаются... полвеками и леммингами! Его отчеты проигнорировали. Истребление волков продолжилось.

Моуэт не был ни политиком, ни юристом. Единственное, что он мог — это писать, а значит — предавать гласности. И он пользовался этим сполна. Это был его вклад в защиту природы. Несправедливость и жестокость человека, описанная им, возмущает и побуждает к действию. Равнодушие, безусловно, худший из пороков в современном мире.

Человек нарушил многовековой баланс природы, и она чашнет. В 1947 году в районе Нельчин на Аляске начали отстрел волков. После этого в десять раз увеличилась популяция оленей, и они... настолько «выбили» пастбища, что вскоре начали умирать из-за недостатка

пищи. В 1957 году Нельчин объявили волчьим заповедником — жалкая попытка восстановить утраченный напрасным вмешательством баланс. Это — один из сотен фактов, озвученных Фарли Моуэтом.

Нельзя так же не сказать о книге «Кит на закланье» («A whale for killing»). Попавшая в естественную западную китиха из-за начавшегося отлива не могла вырваться к океану. Она слабела от голода в крохотной бухте. Моуэт тогда использовал все связи, чтобы вызвать необходимые для помощи корабли; пытался кормить пленницу; привлёк внимание прессы — чтобы общественность приняла участие и помогла. А тем временем местные жители решили развлечься. Они обстреливали китиху из ружей и пистолетов, резали ее ножами, гарпунили. Это было общей забавой, в которой приняли участие и женщины, и дети. Животное им не отвечало — киты не проявляют агрессии, даже для собственной защиты. Страшная повесть... Но даже она — ничто в сравнении с долгой и кровавой историей взаимоотношения человека с китами, о которой рассказывает Моуэт.

Он писал: «Я оплакивал страшное одиночество Человека, ставшего чужим на своей собственной планете и обреченного нести это бремя до самого смертного часа».

«Не плачь, волк», «Кит на закланье» — это две

книги, которые обязан прочитать каждый. Потому что это нужно знать. Обязан! — Я не преувеличиваю.

Несмотря на весь ужас, который Фарли Моуэт видел и описал, он остается жизнерадостным человеком. Даже в «Не плачь, волк» упомянуты многие комичные ситуации. Когда читаешь его книги, слезы всегда перемежаются со смехом.

В 1985 году Моуэту, вслед за Бертраном Расселом и Маркесом, отказано во въезде в США. На тот момент он уже был признанным писателем, офицером Ордена Канады. Проблема была в опубликованной им книге «Трагедия моря» («Sea of Slaughter»), где рассказывается о слепом истреблении жителей океана, способном привести к глобальной катастрофе. Иммиграционная служба руководствовалась законом Маккаррена, но при этом озвучивала всевозможные, подчас бредовые причины отказа. Так, к примеру, объявили, что Фарли Моуэт «представляет угрозу для вооруженных сил США». На что сам Фарли, смеясь, в одной из телепередач сказал: «Уж если я представляю угрозу для вооруженных сил США, то уж тогда только Господь поможет Америке».

В конце концов, после громкого скандала, после вмешательства канадского правительства, Моуэту разрешили-таки пересечь границу, но сообщили следующее: «Впуская вас «условно», мы имеем в виду то, что у вас

есть право передвигаться по территории США, хотя на самом деле въезд вам не был разрешен». Моуэт послал их всех к черту и никуда не поехал. Позже издал книгу — «Мое открытие Америки».

Фарли Моуэт дважды был в СССР и написал об этом две книги: «Сибиряки» и «Мое открытие Сибири», которые, однако, так и не были переведены на русский.

Вот как его описал Михаил Лезинский: «Он мне сразу понравился. Понравились глаза — синие, детские с лукавинкой и со смешинкой. Понравилась и эта красная — не рыжая, а именно красная! — борода. Разговаривая, Фарли помогает себе руками, бровями, глазами, бородой. Нетерпеливо отстукивает ногою, поглядывая на переводчицу, когда тот, как кажется самому Фарли, слишком медленно переводит. Реакция на юмор — моментальная, одобренная пулеметным хохотом... Большой ребенок, да и только! А руки... руки — огромные, как у грузчика или портового рабочего».

Юрий Рытхэу, сопровождавший Фарли на наш Север, вспоминал: «В Якутске уже трещали тридцатиградусные морозы. Тем не менее, на демонстрацию в честь годовщины Октября Фарли вышел в клетчатой шотландской юбочке (килт), которую он надевает в самых важных случаях, желая выразить свое уважение».

После того, как Моуэт вернулся домой из СССР, ему позвонили из политической полиции: «Они сообщили, что хотят получить от меня какие-то сведения. Я возмутился и сказал: “Черта лысого.” После чего бросил трубку».

Из всех книг Моуэта (а у него их больше 40, среди которых книги о войне, детские книги, научные и др.) лишь 11 были переведены на русский. За все 20 лет в России были переизданы четыре из них, и то — весьма скромным тиражом. Фарли Моуэта у нас забыли. Вместо него в книжные магазины пришли десятки стелов с фэнтези, женскими романами, детективами... Обидно. Не за Моуэта. За нашего читателя.

Закончить хотелось бы словами самого Фарли: «Человечеству угрожает не только загрязнение окружающей среды, оскудение животного мира, но и в не меньшей степени — загрязнение его внутренней среды грязью расизма, милитаризма, порнографии, человеконенавистничества... Выход из этого тупика — творческая сила Человечества, его интеллектуальные и духовные силы, которые можно обратить на благо мира и процветание всех его народов».

слова и звуки

клуб

НОВОСТИ

Вечно молодой

Шарль Азнавур получил премию «Вечная весна», иначе именуемую Премией вечной молодости на французском фестивале «Лес книг» (For t des livres) в живописной деревне Шансо-Пре-Лош (Эндр и Луара), где, кстати, всего 125 жителей — что не отменяет значимости ни фестивалей, ни премии. Награда была присуждена не только за певческие заслуги артиста. В свои 87 лет, после нового диска и накануне концерта в «Олимпии», он опубликовал книгу «От одной двери к другой» («Dune porte lautre»), которая вышла 1 сентября. Правда, награду он разделил с 92-летним академиком Рене де Обальдия, автором «Кобылы капитана» («La Jument du capitaine»), также изданной в этом году.

Русский Блейк

В московском Музее образительных искусств имени Пушкина в рамках фестиваля «Декабрьские вечера», объединяющего живопись и музыку, открылась выставка британского художника Уильяма Блейка — да-да, того самого Блейка, автора «Песен невинности и опыта!» — а также прозвучали вокальные циклы на его стихи: ситуация, уникальная даже для британских музыкантов! «Это особенный опыт!» — сказал гобоист Дэниел Бэйтс. — *Исполнять музыку, вдохновленную стихами Блейка, среди его работ. Честно говоря, его стихи весьма сложны. До их смысла порой надо буквально прорваться, это порой нелегко. Хорошо, что они положены на музыку. Когда понимаешь, что хотел сказать композитор, тогда и стихи Блейка легче понять».*

Не одно поколение британских композиторов обращалось к строкам поэта конца XVIII — начала XIX века. В 1930 г. появился балет Воан-Уильямса «Иов», вдохновленный стихами Блейка. Позже, к 200-летию со дня рождения поэта, этот композитор написал «10 песен на стихи Блейка». Цикл написан для уникального состава исполнителей — сопрано в сопровождении гобоя.

Чтобы российским слушателям не мешал языковой барьер, тексты были переведены на русский.

Подготовил Даниил Мартин

Тоталитарные власти никогда не любили классическое искусство. Они вообще искусств не любили, они любили развлечения. Очевидно, по причине классовой непричастности. Умы вождей всегда стремились к монументальности, а сердца в минуты отдыха — к стрекозиной легкости. В той же нацистской Германии на официальных мероприятиях звучал Вагнер, но все знали, что любимая музыка фюрера — «Веселая вдова» Франца Легара. Исключения среди классики составлял балет, да и то, думается, из-за «балеринок».

Разумеется, людей творческих не допускали и к руководству страной. То есть, некоторые стояли, конечно, во главе творческих Союзов (например, Фадеев или Хренников) — но для серьезных постов требовались все же проверенные партийцы, вроде Фурцевой или Демичева. Тем не менее, видимость широты взглядов требовалась, а посему артисты, писатели, композиторы, ученые попадали, скажем, в депутаты. И порой могли хоть что-то делать для людей — по совести. В числе таких депутатов

Дворниченко О.
Москва Кремль Шостаковичу.
М.: Текст, 2011. — 672 с. 3000 экз. (п)
ISBN 978-5-7516-0955-9

был и Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Его, как полагалось, выдвинули «трудящиеся массы». В первый раз Шостакович избирался «в соответствии с волей коллективов Театра оперы и балета имени Кирова, публичной библиотеки и трудящихся карбюраторного завода в Ленинграде». Потом, видимо, театр отменили за ненужность, и в другие созывы Дмитрий Дмитриевич был депутатом от «многомного собрания рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода «Капролактан», коллекти-

ва завода «Красное Сормово», собрания колхозников колхоза «Заветы Ильича» или колхоза им. Коминтерна Красночетайского района Чувашской ССР...» Но на самом деле это все совершенно не важно. Какая разница, каким образом человек, желающий делать добро, оказывается на месте, дающем ему возможность это делать.

Важно вот что. Для творческого человека любая административная работа просто вредна. Она отвлекает от того, для чего такой человек создан самой природой. И если тот же артист еще может, отыграв спектакль, в свободное время посидеть в комиссии или походить по кабинетам с ходатайствами, то писатель, поэт или композитор — никак. У него нет нормированного рабочего дня. Он не пишет (мы говорим о настоящих писателях, поэтах или композиторах) по заказу. Дело творческой личности — плевать в потолок в ожидании вдохновения. Засада заключается в том, что есть еще такое понятие, как совесть, которая и заставляет «наступать на горло собственной песне» и заниматься тем, что к твоей профессии, а порой

и желаниям, отношения не имеет.

В качестве предисловия к книге использовано интервью Евгения Мравинского, в котором он, в частности, говорит: «Если вы взглянете в деревянное сердце Шелкунчика, вы увидите там героизм». Оказывается, одинокий человечек с деревянным мечом может противостоять вселенной. Примечательно, насколько при этом непоследовательно вели себя власти предержащие. Шостакович был избран депутатом Верховного Совета РСФСР в 1947 году, в 1948-м получил звание народного артиста РСФСР. Одновременно, в том же 1948-м, было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) об опере В.И. Мурадели «Великая дружба», в котором музыка крупнейших советских композиторов, в том числе Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна, объявлялась «формалистической» и «чуждой советскому народу», а в 1949-м Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР запретил к исполнению и снял с репертуара ряд произведений композитора по обвинению в формализме. Власть травил того, кого сами

назначили избранным. А он болел, впадал в депрессию, страдал, не мог сочинять — но при этом продолжал писать письма и обивать пороги инстанций с просьбами помочь гражданам, обратившимся к нему как к народному депутату.

Собственно, просьбы, с которыми приходилось иметь дело Шостаковичу, были обычными, но в те времена для них требовалось чье-то вмешательство, помощь: получить хотя бы комнату вместо угла в бараке, купить (именно купить!) машину, пересмотреть в надлежащем порядке несправедливый приговор. И просьб этих были тысячи. Дмитрий Дмитриевич старался помочь каждому. Однако в тот же период им написаны знаменитые произведения: цикл романсов на стихи Александра Блока, 12-й, 13-й, 14-й и 15-й Квартеты, поэма «Казнь Степана Разина», 14-я и 15-я Симфонии, цикл «Верность», опера «Катерина Измайлова», вокальный цикл на стихи Марины Цветаевой, сюита на стихи Микеланджело — всего не перечислить. Это удивительно. Просто удивительно.

Бой как праздник

Человек, как известно, произошел от обезьяны. Обезьяны же, что тоже не секрет, живут в Африке. А еще мы знаем, что «много-много диких обезьян» — в бразильских лесах. А Бразилия находится в Южной Америке и граничит с Аргентиной. И вся эта чушь, как ни странно, имеет непосредственное отношение к теме нашего разговора.

Дело в том, что знаменитое аргентинское танго — а настоящее танго именно аргентинское — ведет свою историю из Африки. Само это слово, «tango», происходит из языка группы банту, и первоначально так назывались одновременно местный барабан и место для ритуальных танцев. И вот, «в середине 19 века некий божественный прожектор поймал своим лучом особенное место, называемое Буэнос-Айресом». Там тогда было видимо-невидимо иммигрантов из Европы, в частности из Италии и Испании. А еще там, разумеется, были местные жители и привозные чернокожие рабы. Работали все на износ, но и отдыхали тоже от души, преимущественно — танцевали.

Габриэлян Г.
Tango Argentino / Справочник начинающего тангера.
М.: КНОРУС, 2011. — 128 с. 1000 экз. (п)
ISBN 978-5-406-01958-0

И, как это всегда бывает в мультинациональном обществе, перенимали традиции и приемы танца друг у друга. «Афроуругвайская candombe, испано-американская rupaда, кубинская habanera, неаполитанская canzonetta переплелись в некоем тигле, чтобы стать танго». Дальнейшая история этого явления есть история культуры, в частности, пришедшего к тому, что в 2009 году ЮНЕСКО включила танго в список всемирного нематериального наследия, наряду с французской кухней, китайской каллиграфией, эпосом «Олонхо»

и азербайджанским ковроткачеством.

Так чем же так прельстило всех это самое танго? Что за «секретный ингредиент», заставляющий людей становиться тангерос, скрыт в нем? Немецкий исследователь Вальдемар Киппхан, например, считает, что причин манящей привлекательности танго, его преимущества перед другими танцами несколько (кстати, свои изыскания он проводил в современной России). Итак, новых рекрутов под знамена танго влекут: «тоска по классическому восприятию ролей мужчины и женщины; возможность переживать чувства, которые в повседневной жизни не имеют выхода; место встречи для «поколения одиночек»; один из способов самовыражения людей с богатым эмоциональным опытом». Список интересный, и каждый пункт в нем заслуживает отдельного рассмотрения. Этому-то и посвящена книга Геннадия Габриэляна, а мы, увы, ограничены форматом газетной статьи.

И все же очень хочется привести цитату из великого Хорхе Луиса Борхеса,

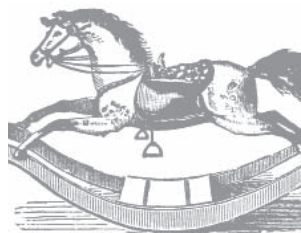

как всегда одновременно многое проясняющую — и еще больше запутывающую ситуацию: «Танго и милонга всем своим существом выражают то, что поэты разных времен и народов пытаются высказать словами: веру в бой как праздник». Казалось бы, при чем тут бой, если общепризнано, что танго — танец любви? Но тут следует внести поправку, и все встанет на свои места. Не любви, а страсти! Тот же Борхес полагал любовную дуэль и уличную схватку двумя проявлениями одного и того же порыва. Так что оставим нежность вальсу, а эгоизм рок-н-ролла — партнеры в танго связаны единым порывом, желанием разорвать объ-

ятия и невозможностью избавиться друг от друга. Прославленная Мария Ньевес сказала как-то, что 80% танго — это женщины, но лидером в нем является мужчина. Единство и борьба противоположностей, как ни крути.

И напоследок. Танго считается крайне сложным танцем. В некоторых традициях начинающий тангера должен был посещать четыре-пять практик в неделю в течение трех лет, и только после этого ему разрешали выйти на милонгу. И все-таки не надо бояться. Как учил один из самых знаменитых преподавателей танго Пол Пелликорро, «Кажется, кто может ходить, способен танцевать». И... Раз!

III всероссийский конкурс «Новая детская книга»

От издательства

Мы открыли третий сезон литературного конкурса «Новая детская книга!» В этом году мы поставили перед собой новые задачи и обновили номинации. Два предыдущих года дали нам огромный опыт и изменили наши представления о возможностях современной детской литературы. Через конкурс прошло более пяти тысяч рукописей! Мы уже выпустили и переиздаем четыре книги. Готовятся к выходу еще семь книг. И мы не останавливаемся! Для того чтобы сделать обсуждение проблем детской литературы более широким и доступным, в феврале на базе конкурса открывается специальный дискуссионный клуб. За два года убедились, что острых вопросов, мнений и тем более чем достаточно. Мы приглашаем к дискуссии все заинтересованные стороны. Надеюсь, что и этот конкурс принесет новые открытия, новые имена и новые споры. Я хочу сказать огромное спасибо всем, кто принимает участие в конкурсе и поддерживает его — писателям и критикам, блоггерам и книжоторговцам, журналистам и просто читателям! И до встречи в новом литературном году!

Борис Кузнецов,
Генеральный директор
издательства «РОСМЭН»
Председатель конкурса
«Новая детская книга»

1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О КОНКУРСЕ

1.1. Издательство «РОСМЭН» проводит III ежегодный литературный конкурс «Новая детская книга». Цели конкурса — привлечь внимание читателей к российской детской литературе, открыть для широкой общественности новых талантливых авторов детских книг.

1.2. III конкурс проводится по двум номинациям:
«Оригинальный сюжет»;
«Веселые истории».

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

2.1. На конкурс выдвигаются оригинальные произведения, созданные на русском языке, ранее не публиковавшиеся. Переводы не рассматриваются. К участию в конкурсе допускаются рукописи, опубликованные на бесплатных Интернет-порталах. Произведения, публиковавшиеся ранее в неперидических изданиях, не

допускаются к участию в конкурсе. Данное ограничение не распространяется на рукописи, вышедшие в периодической печати.

2.2. Дата создания произведения значения не имеет.

3. ТРЕБОВАНИЯ К УЧАСТНИКАМ

3.1. Правом выдвижения произведения на конкурс обладает исключительно автор(ы) этого произведения. Анонимные рукописи к рассмотрению не принимаются. В случае использования псевдонима автор должен сообщить издательству свое имя по паспорту, указав его в форме отправки рукописей.

3.2. Каждый автор может представить на конкурс любое количество произведений.

3.3. Ограничений для участников конкурса по возрасту, гражданству, месту жительства нет.

4. ПОРЯДОК ПРИЕМА И РАССМОТРЕНИЯ РАБОТ

4.1. Прием работ осуществляется с 30 ноября 2011 года по 1 апреля 2012 года (включительно).

4.2. На конкурс принимаются произведения для детей от трех до одиннадцати лет объемом до четырех авторских листов (один авторский лист = 40 000 знаков с пробелами), в том числе произведения с авторскими иллюстрациями.

4.3. Одно произведение может быть заявлено только в одну номинацию, недопустимо предоставление одного и того же произведения сразу в две номинации.

4.4. К участию в конкурсе принимаются произведения любого жанра, написанные прозой или стихами, основное требование к произведениям — соответствие темам номинаций.

4.5. Предпочтение отдается произведениям, предполагающим продолжение.

4.6. Произведения, объединенные сюжетной линией и/или имеющие общих героев (сборники рассказов, диалоги, трилогии и т.п.), рассматриваются как одно произведение.

4.7. Рукописи направляются через регистрационную форму на сайте rosman.ru с прикрепленными файлами формата Word (*.doc, *.docx, *.rtf, *.jpeg не более 10 Мб). Рукописи в печатном виде, на дисках и других носителях к участию

в конкурсе не принимают. Произведения, выдвинутые на участие в конкурсе, не рецензируются, переписка с авторами не ведется.

4.8. Направляя рукопись на конкурс, автор соглашается с ее публикацией на сайте издательства в период читательского голосования (со 2 июля по 15 августа 2012 г.).

4.9. Все произведения, выдвинутые на конкурс, регистрируются в издательстве и получают регистрационные номера. Членам жюри для отбора в шорт-лист рукописи предоставляются под регистрационными номерами, без указания имени автора.

4.10. Автор, отправивший произведение на конкурс, имеет право снять его с рассмотрения до окончания приема работ (до 1 апреля 2012 года).

4.11. В шорт-лист конкурса отбирается по десять произведений-финалистов в каждой номинации.

4.12. Каждое произведение оценивается каждым членом жюри по 10-балльной системе (1 балл — низшая оценка, 10 баллов — высшая): выставляются независимые оценки, которые затем суммируются. Баллы, присужденные председателем жюри, удваиваются.

5. ЖЮРИ

5.1. Для рассмотрения произведений, присланных на каждую из номинаций конкурса, формируются два отдельных жюри (по девять членов в каждом).

5.2. В состав жюри конкурса входят писатели, эксперты в области литературы, искусства, кино и медиа-индустрии, представители книжоторговых организаций, а также ведущие сотрудники издательства, занимающиеся детской художественной литературой.

5.3. Председателем жюри в обеих номинациях является генеральный директор издательства «РОСМЭН».

6. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И НАГРАЖДЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

6.1. В каждой номинации определяется десять финалистов, чьи произведения формируют шорт-лист, из их числа выбирается три лауреата, один из которых становится победителем конкурса.

Победителем признается автор произведения, набравшего наибольший суммарный балл.

В случае равенства суммарных баллов у нескольких произведений для каждого из них проводится подсчет числа бюллетеней, в которых данное произведение получило высший балл.

Аналогичным образом определяются второе и третье места.

6.2. Таким образом, по результатам подсчета баллов, присужденных жюри, в каждой номинации выбираются три лучшие работы, автор каждой из которых получает ценный приз. Если произведение, ставшее лауреатом конкурса, было написано в соавторстве, то вопрос овладения призом оспаривается на усмотрение его авторов, а гонорар за публикацию делится в соответствии с определенными соавторами коэффициентами участия в создании произведения.

6.3. Издательство предлагает победителям конкурса (авторам, занявшим первое место в каждой из номинаций), заключить контракт на публикацию их произведений.

6.4. По итогам конкурса издательство планирует предложить финалистам и лауреатам конкурса публикацию их произведений в сборнике «Новая детская книга».

6.5. Независимо от мнения жюри, издательство будет рассматривать все поступившие на конкурс рукописи на предмет возможной публикации.

6.6. Награждение победителей конкурса состоится в сентябре 2012 года.

6.7. По завершении предварительного отбора произведения, вошедшие в шорт-лист, размещаются на странице конкурса «Новая детская книга» ([сайт www.rosman.ru](http://www.rosman.ru)). По результатам интернет-голосования в каждой номинации присуждается приз читательских симпатий. Публикация шорт-листа состоится 2 июля 2012 г. Читательское голосование будет проходить в период со 2 июля по 15 августа 2012 г.

6.8. Отправляя произведение на конкурс, автор тем самым дает свое согласие на использование этого произведения в рамках конкурса, в том числе на публикацию частей или полного произведения в Интернете на сайте конкурса.

6.7. Параллельно читательскому голосованию проходит определение победителя по версии

представителей книжной торговли. Деятельность альтернативного жюри книжоторговцев организует издательство «РОСМЭН», это жюри работает абсолютно автономно от основного жюри и выносит независимую оценку. Победитель конкурса по версии жюри книжоторговцев получает ценный приз на церемонии подведения итогов конкурса.

6.8. Произведения, участвующие в конкурсе, не могут быть опубликованы в других издательствах до момента подведения итогов конкурса и объявления победителей.

Отправляя рукопись на конкурс, автор соглашается не вести переговоры и не заключать контракт на публикацию этой рукописи или ее продолжения с другими издательствами в период проведения конкурса.

Если конкурсант заключил договор на публикацию произведения в период проведения конкурса, он обязуется своевременно уведомить организаторов «Новой детской книги» о контракте и снять рукопись с участия в конкурсе.

Издательство оставляет за собой право исключать из участия в конкурсе произведения, по которым ведутся переговоры или заключены контракты с другими издательствами.

6.9. Проведение III конкурса «Новая детская книга» будет осуществляться в соответствии со следующим графиком:

Начало приема рукописей — 30 ноября 2011 г.

Последний день приема рукописей — 1 апреля 2012 г.

Подведение промежуточных итогов конкурса. Публикация шорт-листа — 2 июля 2012 г.

Читательское голосование — 2 июля — 15 августа 2012 г. (включительно).

Определение победителя по версии книжоторговцев — 2 июля — сентябрь 2012 г.

Официальное подведение итогов конкурса. Вручение призов победителям — сентябрь 2012

Обсуждение конкурса «Новая детская книга» ведется на следующих площадках:

Официальная страница на Facebook (<http://www.facebook.com/pages/Новая-Детская-Книга/185722811442937>)

Официальный блог на LiveJournal (<http://rosmanpress.livejournal.com/>).

Члены жюри

по номинациям

НОМИНАЦИЯ «ОРИГИНАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ»

Борис Кузнецов (генеральный директор издательства «РОСМЭН»).

Екатерина Гуричева (главный редактор издательства «РОСМЭН»).

Алия Талипова (руководитель направления «Детская художественная литература» издательства «РОСМЭН»).

Анастасия Соколова (директор департамента продаж издательства «РОСМЭН»).

Марина и Сергей Дяченко (писатели, сценаристы).

Майя Пешкова (журналист, литературный критик, обозреватель радиостанция «Эхо Москвы»).

Владимир Граматиков (режиссер, киноматург, заслуженный деятель искусств Российской Федерации).

Екатерина Стриженова (актриса, телеведущая).

Ирина Муромцева (журналист, телеведущая).

НОМИНАЦИЯ «ВЕСЕЛЫЕ ИСТОРИИ»

Борис Кузнецов (генеральный директор издательства «РОСМЭН»).

Елена Широнова (директор по проектам издательства «РОСМЭН»).

Валентина Рябенко (заведующая редакцией издательства «РОСМЭН»).

Марина Дружинина (детский писатель).

Вера Бройде (журналист, литературный критик, обозреватель газеты «Книжное обозрение»).

Сергей Серегин (режиссер анимационного и документального кино, сценарист).

Марина Каменева (директор ТДК «Москва»).

Ольга Шелест (журналист, теле- и радио ведущая).

Представитель родительского сообщества интернет-портала BabyBlog.ru (будет определен по результатам конкурсного отбора).

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Подарочные издания

Серия «Русская культура»

В наше время – время потерь традиционных основ русской духовной культуры, разрушения системы ценностей – неизмеримо возрастает роль и значение противодействующих средств, одним из которых является хорошая, умная книга, помогающая осмыслить духовное наследие русского человека.

Для тех, кто изучает русскую культуру и кому небезразлична сегодня ее судьба, издательство «Просвещение» выпускает серию книг «Русская культура».

Книги этой серии рассказывают о русской культуре, ее корнях, на ярких примерах раскрывают ее своеобразие и неповторимость, дают знания, которые помогут воспитанию чувства патриотизма, гордости за свою страну и культуру.

В серию вошли три книги замечательного автора А.П. Рогова «Русская культура», «Русская иконопись» и «Русь деревянная». Все три издания – это самостоятельные, законченные произведения, органически связанные между собой и развивающие друг друга.

Анатолий Петрович Рогов – известный литератор, член Союза писателей и Союза кинематографистов России, истинный знаток народной культуры, автор многих книг о русской культуре и ее деятелях; книг, которые с интересом читают люди разных возрастов.

А.П. Рогов умеет просто и интересно рассказывать о сложном и о, казалось бы, знакомом. Он обладает особым даром описывать известные предметы и явления так, что в воображении читателя оживает целая эпоха. Его книги – это сочетание серьезности глубоких научных исследований с легкостью научно-популярного чтения. Исторические экскурсы соседствуют с лирическими описаниями, художественными очерками и диалогами героев разных эпох.

Отдельного внимания заслуживает и художественное оформление книг. Их отличает огромное количество иллюстративного материала. Это репродукции картин, фотографии предметов декоративно-прикладного искусства и архитектурных памятников, кадры из фильмов и многое другое.

«Русская культура: Национальные особенности».

Книга в популярной форме повествует об основных составляющих русской культуры, которые прежде всего формируют духовный мир русского человека. Она погружает читателя в мир повседневной жизни русского народа. Мы узнаем о традиционном жизненном укладе, о различных поверьях, преданиях, обычаях и обрядах, о народном жилище и костюме, о календарных праздниках и связанных с ними песнях и танцах, о народном зодчестве, иконописи, художественных промыслах, а также о замечательных произведениях архитектуры, живописи, музыки, театра и выдающихся архитекторах, художниках, литераторах, деятелях театра, которые и формировали лицо русской культуры.

Книга написана живым, выразительным языком и включает множество интереснейших фактов из жизни деятелей русской культуры и бытования самих произведений искусства. Полемизм некоторых суждений рождает живой отклик читателя – книга читается с неослабевающим интересом.

«Русская иконопись».

Книга рассказывает о том, что такое икона, об основных вехах развития искусства иконописи на Руси, дает целостное представление об особенностях русской

иконописи XII–XVII вв., о разных школах письма (московской, новгородской, псковской, ярославской), о том, как обучали иконописцев в Древней Руси, и конечно, о вершинах иконописи и великих иконописцах, известных на весь мир, – Феофане Греке, Андрее Рублеве, Дионисии. Отдельные главы книги посвящены внутренней росписи храмов – фрескам и возвращению икон уже в XX веке, то есть их открытию и реставрации.

Автор раскрывает особенности цветовой палитры иконы, наиболее часто повторяющиеся образы и сюжеты, и, конечно, ту особую светоносность и одухотворенность, которая отличает русскую иконопись. Именно эти качества делают искусство иконописи величайшим и совершенно уникальным явлением мировой культуры.

В этой книге слились воедино два языка – язык искусствоведа, знатока русской культуры, и язык писателя, яркий, образный, живой, наполнивший книгу ощущением жизни, своего участия во всем том, о чем повествуется в ней.

Зрительный ряд книги знакомит с замечательными иконами, фресками, авторами которых были самые известные художники Древней Руси. Макет книги выполнен на высоком художественном уровне, с любовью к иконе и пониманием ее как особого вида живописи и с учетом запросов современных читателей.

«Русь деревянная».

Продолжает серию «Русская культура» новинка – «Русь деревянная». Книга рассказывает о замечательном искусстве русских мастеров, достигших высокого уровня в работе с самым распространенным и любимым на Руси материалом – деревом. Читатель узнает о том, какой была традиционная деревянная архитектура и как украшались дома (избы на севере и юге России, их разнообразное резное узорочье), какой была «жизнь» дерева внутри дома, в быту (резные и расписные мебель, прялки, посуда и др.), какие уникальные деревянные скульптуры, игрушки создавали замечательные русские мастера.

Книга написана ярко, эмоционально. Текст представляет собой органичное единство популярного искусствоведческого исследования, исторических экскурсов и живых диалогов героев – народных мастеров.

Иллюстративный ряд издания поможет создать полнокровный, целостный образ Руси деревянной, сформировать представление об искусности и мудрости русского человека, чувство гордости за русскую культуру.

В заключение хочется сказать, что книги этой серии будут достойным подарком к любому празднику, заинтересуют не только взрослого читателя, но и подростка, обогатят знаниями по истории русской культуры, будут полезны учителям и школьникам на уроках истории, мировой художественной культуры, изобразительного искусства.

Истинная Русь, ее красота, величие и национальное достоинство русского народа, его мировосприятие, миропонимание, безграничный талант – вот основной лейтмотив серии, которая по праву может занять достойное место в домашней библиотеке.

Все книги серии объединяет глубокая и искренняя любовь к родной земле и русской культуре. Перелистывая страницы, невольно осознаешь, что становишься обладателем неисчерпаемого художественного богатства, истинных ценностей, которые несет русская культура.

К изданию планируется ещё две книги А. П. Рогова из серии «Русская культура»: «Как строили на Руси» и «Русский народный костюм».

Издательство «Просвещение»
127521, Москва,
3-й проезд Марьиной рощи, 41
Тел.: (495) 789-3040
Факс: (495) 789-3041
E-mail: prosv@prosv.ru
www.prosv.ru

Книжный Магазин «УЗНАЙ-КА!»
127434, Москва,
Дмитровское шоссе, 25, корп. 1
Тел.: (499) 976-48-60
E-mail: info@martbook.ru

Интернет-магазин Umlit.ru
Доставка учебно-методической литературы почтой по России, курьером по Москве
129075, Москва, ул. Калибровская, 31а
ООО «Абрис»
Тел.: (495) 981-1039, 258-8213.
Факс: 229-6759 (доб. 229)
E-mail: zakaz@umlit.ru;
www.umlit.ru

«Так ли плохи сегодняшние времена?» фрагмент

Вскоре по прибытии в гостиницу, где нам, похоже, предстояло провести остаток дня, хозяин известил нас, что, по заведенному обычаю, все духи, проезжающие через этот город, свидетельствуют свое почтение той госпоже Болезни, с чьей помощью они выбрались из земных пределов. Мы отвечали, что не нарушим общего для всех долга вежливости, и он обещал сейчас же прислать провожатых. Он ушел, и вскоре нам представало несколько сумрачных господ, из тех, что в пышных париках, завязанных лентой, и носят трости с янтарным набалдашником. Эти джентльмены были городскими посыльными, а трость — это insignia, или знак, удостоверяющий их должность. Мы назвали, перед кем мы в долгу, и готовились последовать за ними, как вдруг, переглянувшись, они нахмурились и спешно покинули нас. Удивившись такому образу действий, мы тотчас вызвали хозяина, и тот, выслушав нас, от души расхохотался и объяснил причину: мы не расплатились с джентльменами в ту самую минуту, как они вошли, а здесь именно такой порядок. В некотором смущении мы ответили, что с того света ничего не взяли с собой, ибо при жизни нас учили, что этого делать не полагается. — Совершенно верно, — сказал хозяин, я в курсе дела, это я допустил промашку. Мне надо было сначала отправить вас к милорду Скареду, чтобы он сосудил вам сколько нужно. — Чтобы милорд Скаред сосудил нам?! — пораженно воскликнул я. — Но вы же понимаете, что мы не можем дать ему гарантии, а без гарантии, я уверен, он за свою жизнь и шиллинга не дал. (Объяснимся раз и навсегда: в панегирических пассажах этого сочинения всегда разумеется некое определенное лицо, в сатирических же ничего личного нет.) — Верно, — ответил хозяин. — И поэтому здесь он занимается именно этим: он осужден быть ростовщиком и давать пассажирам деньги gratis. Капитал ему был определен в ту же сумму, что он крохоборством скопил на том свете, и с каждым днем он убывает на один шиллинг — он это знает и видит, а когда весь капитал иссякнет, ему предстоит вернуться на тот свет и еще семьдесят лет пробыть скупцом, после чего очиститься, побыв свиньей, и обрести человеческий образ для нового испытания. — Чудеса, — сказал я. — Но если его капитал ежедневно убывает всего на один шиллинг, то как же у него получается удовлетворить всех проезжающих? — Его расходы восполняются, — ответил хозяин, хотя мне затруднительно объяснить вам — каким образом. — Насколько я понимаю, — сказал я, — эта раздача денег вменяется ему в наказание, но я не возьму в толк, в чем наказание, если он знает, что все ему восполнится? Ведь с таким же успехом он мог бы раздать на всех тот единственный шиллинг, к которому сводятся все его убытки. — Что вы, сэр! — воскликнул хозяин. — Когда вы увидите, с какими муками он расстается с каждой гинеей, вы поговорите по-другому. Никакой смертник так не молил о высылке в колонии, как он, выслушав приговор, домогался ада — при условии, что его деньги останутся при нем. Вам многое станет понятнее, когда вы попадете в vyšний мир, а пока, с вашего позволения, я провожу вас к милорду, и он выдаст вам все, что пожелаете.

Его светлость сидел на дальнем конце стола, имея перед собой несметные деньги, разложенные кучками, из которых каждой достанет купить честь группки патриотов и целомудрие стайки недотрог. Едва завидев нас, он побледнел и вздохнул, понимая, с каким мы к нему делом. Хозяин наш обратился к нему с поразившей меня бесцеремонностью, поскольку я отлично помнил, какую

В издательстве «Текст» выходит сборник ранее не известных российскому читателю произведений Генри Филдинга «Так ли плохи сегодняшние времена?». Предлагаем познакомиться с отрывком из сатирического травелога «Путешествие в загробный мир и прочее», написанного духом некоего покойного джентльмена — и изданного на этом свете.

честь оказывала этому лорду куда более важная публика, чем этот господин, заговоривший таким образом: — Вот что, такой-сякой лорд, подлая твоя душонка: тряхни-ка мощной, уважь старших. И поживее, сэр, не то напущу на тебя судейских. Не воображай, что ты снова на земле и некому тебя высечь. — Он замахнулся на его светлость тростью, и тот стал отсчитывать деньги с жалкими ужимками и гримасами, какие выделяет на сцене скупец, выпуская из рук векселя. Его вид разтрогал иных до такой степени, что рука не поднималась взять больше, чем требовалось для уплаты посыльным, и тогда хозяин, почуяв в нас сострадание, велел не щадить человечку, который от своих несметных богатств крохи никому не пожертвовал. От таких слов мы ожесточились и набили себе полные карманы денег. Особенно, помню, хотел отыграться на скупце некий поэтический дух. — Этот негодяй, — говорил он, — мало того что не подписался на мои сочинения, но еще вернул мое письмо нераспечатанным, хотя как джентльмен я получил его буду.

Мы покинули эту жалкую личность, восхищенные разумностью и справедливостью наказания, весь смысл которого, объяснил нам хозяин, в том и заключается, что он просто раздаст свои деньги; и не надо удивляться тому, что это доставляет ему душевную муку: если без пользы иметь деньги для него счастье, то ясно, что терять их без пользы — несчастье.

К нам явились новые посыльные в перевязанных париках (те, первые, не соблагволили вернуться), и поскольку, памятуя наставления хозяина, мы расплатились с ними еще на пороге, они с поклонами и улыбками вызвались проводить нас к любой болезни, какая нам желательна.

Мы разошлись в разные стороны, поскольку каждого ждала своя благодетельница. Своему провожатому я велел вести меня к Душевной Лихорадке, благодаря которой я был исторгнут из тела. Мы исходили много улиц и постучали во многие дома — все было напрасно. В одном, сказали, живет Чахотка; в другом — Модная Болезнь, уроженка Франции; в третьем — Водянка; в четвертом — Ревматизм; в пятом — Неумеренность; в шестом — Немочь. Я устал, терпение мое истощилось, равно как и кошелек, потому что я оплачивал провожатому каждую его ошибку, и тут он с торжественным видом объявил о своем бесилии и удалился прочь.

Сразу по его уходе я встретил еще одного джентльмена с опознавательной приметой — все той же тростью с янтарной ручкой. Дав ему монетку, я назвал свою болезнь. На двести минуты он застыл в раздумчивой позе, потом вытянул из кармана клочок бумаги и что-то на нем написал — похоже, на каком-то восточном языке, поскольку я не разобрал ни полслова; он научил, куда пойти с этой бумажкой, заверил в успехе и ушел.

Обнадеженный наконец в правильности пути, я пришел в лавку, весьма походившую на аптеку. Священнодействовавший там господин прочитал мою записку, снял с полка десятка два банок и, смешав их составы в бутылочке, вручил ее мне, обмотав горлышко полоской бумаги с тремя-четырьмя словами на ней, причем в последнем слове было одиннадцать слогов. Я назвал ему болезнь, которую разыскивал, а в ответ услышал, что доверенное ему дело он исполнил и что снадобе отменного качества.

Я начал раздражаться и, с сердитым лицом выйдя из лавки, пошел отыскивать нашу гостиницу, да по пути встретил посыльного, на вид поприятнее его товарищей. Я решил еще на одну попытку и выложил ему на ладонь монету. Услышав про мою болезнь, он от души расхохотался и объяснил, что меня обманули: такой болезни в городе нет. Расспросив поподробнее, он тотчас объявил, что моей благодетельницей была госпожа Модная Болезнь. Я поблагодарил его и не мешкая отправился свидетельствовать ей свое почтение.

Дом, а лучше сказать — дворец, в котором жила эта дама, был из красивейших и роскошнейших во всем городе. Ведущая к нему аллея была обсажена платанами, по обе стороны разбиты клумбы; было очень приятно пройтись по ней, жаль, она быстро кончилась. Меня провели через роскошный зал, уставленный статуями и бюстами, по большей части безносыми, из чего я заключил, что это настоящие антики, но меня поправили: это нынешние герои, принявшие мученический конец во славу ее светлости. Потом я поднялся по широкой лестнице мимо изображений в карикатурном стиле; на мой вопрос было отвечено, что это портреты земных ненавистников госпожи. Я, наверное, узнал бы тут многих врачей и хирургов, не искажи художник их черты немилосерднейшим образом. В самом деле, его рукой водила такая злоба, что, думается, он был обязан хозяйке

этого дома какими-то особенными милостями; более страховидные лица трудно вообразить. Потом я вошел в большой зал, весь увешанный женскими портретами; их точеные плечи и правильные черты лица должны были уверить меня, что я попал в галерею писанных красавиц, когда бы их нездоровая бледность не наводила на более горькие мысли. Из этого зала я перешел в соседний, украшенный, с позволения сказать, портретами старух. Заметив мой преувеличенный интерес, слуга пояснил с улыбкой, что сии были добрыми друзьями его госпоже и сослужили ей знатную службу на земле. Я тут же кое-кого признал: в свое время они содержали бани, но очень странно было увидеть в этой компании изображение одной знатной дамы. Я высказал свое недоумение слуге, и тот ответил, что для собрания его госпожи позировали дамы всех званий.

И вот меня поставили пред очи самой госпожи. Это была худая, а лучше сказать — тощая особа с болезненного цвета прыщавым, безносом лицом. После затянувшихся любезностей, после ее многократных поздравлений и моих пылких изъявлений признательности она задала мне множество вопросов о состоянии ее дел на земле, и по большей части я отвечал к полному ее удовольствию. Вдруг она с принужденной улыбкой сказала: она, мол, надеется, что Капли и Пилюли делают свое дело. Я ответил, что о них рассказывают чудеса. Тогда она призналась, что новоявленные эскулапы ее не тревожат: сколь ни доверчивы люди, сказала она, и как ни страшатся они умирать, они предпочитают привычную смерть любой панацее. Ей особенно пришлось по вкусу мой отчет о высшем свете. Ведь это ее стараниями, сказала она, несколько сотен перебрались с Дружи-Лейн на Чаринг-Кросс, где их уже были сотни, и теперь, к ее радости, распространяются даже в Сент-Джеймс; а побудили ее к этому близкие и достойные друзья, выступившие недавно с превосходными опусами в пользу истребления религии и морали, в особенности же достойный автор «Расчета Холостяка», хирург, как ей кажется, и, стало быть, со своим интересом, а не то она была бы его вечной должницей. Столь же одобрительно отозвалась она о практике, широко бытующей среди родителей: женить детей в малолетстве и без всяких чувств друг к другу; и если это поветрие удержится, сказала она в заключение, то, вне всякого сомнения, она скоро будет единственной болезнью, не знающей отбоя от весьма знатных визитеров.

Покуда мы беседовали, в комнату вошли ее три дочери. Все три звались грубыми именами: старшая — Лепра, средняя — Хэра и младшая — Скорбуция (судя по именам, эти дамы ведали проказой, золотухой и цингой); все три были жеманны и безобразны. Бросалась в глаза их непочтительность к своей родительнице, и старая дама, уловив недоумение на моем лице, дождалась, когда дочери выйдут, что они не преминули скоро сделать, и пожаловалась на неблагодарных, которые, ни много ни мало, отказывались признавать себя ее детьми, хотя, по ее словам, она была доброй матерью и ничего для них не жалела. Плачась на домашние неурядицы, жалобщик со своей души перекладывает камень на плечи слушающему, и, поняв, что ее хватит надолго, я счел нужным завершить визит и, рассыпаясь в благодарностях за все ее милости ко мне, удалился и поспел в гостиницу как раз к отправлению экипажа. Пожав хозяйину руку, я взобрался к моим попутчикам, и мы тут же тронулись.

Перевод с английского
Владимира Харитонов

альбом

Иван Лубенников

Мировоззрение художника

Валерий Иванов

Иван Лубенников:
В 2-х книгах. Книга 1. Работы
в архитектуре. Живопись.
М.: Артагентство, 2011. – 368 с.: ил.
Тираж не указан.
(o) ISBN 978-5-91432-036-9

Иван Лубенников: В 2-х книгах.
Книга 2. Книга для чтения.
М.: Артагентство, 2011. – 208 с.: ил.
Тираж не указан.
(o) ISBN 978-5-91432-037-6

Дворец культуры в г. Северодвинске, 1983–1987 гг.

«Красная шапочка», 2000 г.

«Если художник делает китчевые работы, спекулируя на вере, народном самосознании и так далее, то это искусство не может быть позитивным. Нельзя принимать зрителей за идиотов, способных “съесть” любую предлагаемую им безвкусицу. Все можно наполнить серьезной, глубокой идеей или сделать поверхностно. И зритель, подумав, всегда отличит, что хорошо, а что плохо. Правда, при условии внутренней готовности, внутренней культуры». Так сказал в одном недавнем интервью замечательный русский художник Иван Лубенников, народный художник РФ, член-корреспондент Академии художеств РФ, профессор МАРХИ им. Сурикова.

К его шестидесятилетию в Москве в Центральном доме художника прошла первая персональная выставка работ под названием «Цена свободы» и вышел альбом-каталог «Иван Лубенников. Работы в архитектуре. Живопись». Это издание не слишком похоже на другие альбомы и каталоги в привычном, утилитарном их существовании. Эту книгу, конечно, как всякую другую, можно просто пролистать, посмотреть «картинки». Но можно и оценить редкую для сегодняшних дней глубину исследования, анализа и обобщения самого сложного объекта — мировоззрения художника.

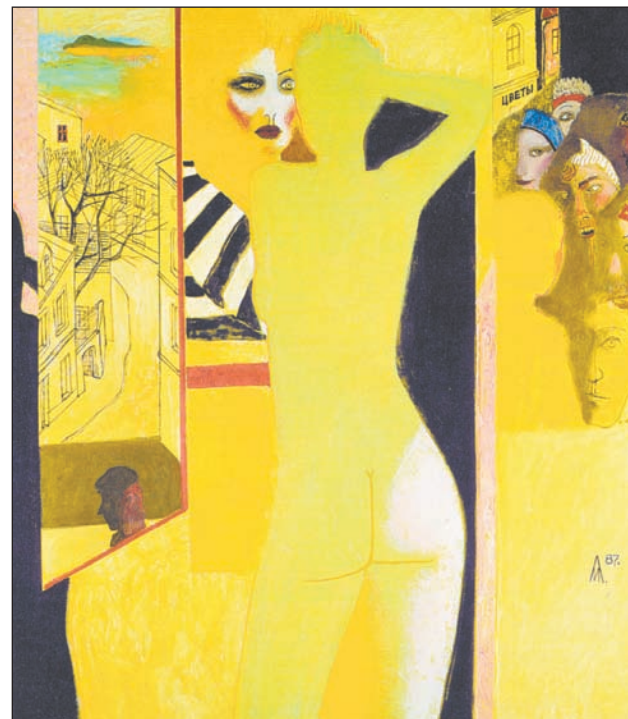
Книга вмещает в себя всю творческую биографию И.Л. Лубенникова, раскрытую здесь в фотографиях и репродукциях, а также в очень умном и глубоком тексте. Текст не является монографией, он собран фрагментарно, мозаично, из разных источников. В него вошли два развернутых интервью, взятые художницей Ириной Можар, ученицей Ивана Леонидовича, работавшей в группе молодых художников под его руководством над оформлением станции «Мадлен» в парижском метро. Есть интервью, взятое у самого Лубенникова знаменитым Вильямом Мейландом, известнейшим российским критиком-искусствоведом. Также перу Мейланда принадлежат несколько статей о творчестве художника в разные годы. Исключительный интерес представляет глубокая философски-культурологическая статья Сергея Гавриличенко, профессора МГАХИ им. Сурикова. И, конечно же, особенно значимы фрагменты «от первого лица» — комментарии и воспоминания главного героя. Например, история работы над мозаичным сводом нового выхода станции московского метро «Маяковского»: «Внизу — блистательно нарисованная Душкиным станция с великолепными мозаиками Дейнеки... Совершенно естественно, у меня могла быть только мозаика, и я не имел права “накрыть” станцию ничем, кроме неба. Но если у Дейнеки небо воодушевленно-советское (говорю это без иронии), то мне пришлось деидеологизировать его, приблизив к любовной лирике Маяковского. А строки из поэзии на полях я рассматриваю как провокацию. Те, кто их читал, очень на это надеюсь, попытаются вспомнить продолжение. А кто не читал — вдруг откроют собрание стихотворений».

Надо сказать, что с поэтом революции у Лубенникова давняя связь. Именно Иван Леонидович создал композицию на фасаде Государственного музея Маяковского и сделал росписи в интерьере. Впрочем, связь можно найти и с театром — Лубенников оформлял фасад Театра на Таганке объемно-пространственными композициями. А еще он работал над созданием Русского зала в музее Освенцим, создал интерьеры станций «Сретенский бульвар» и «Славянский бульвар». И в церковной архитектуре он также проявил свой талант — оформил храм Воскресения Христова в Переделкине, украсив его с использованием редчайшей в наши дни техники — белокаменной резьбы.

К сожалению, некоторые работы, заслужившие автору большое признание в восьмидесятые годы прошлого века, уже утрачены или испорчены — роспись Дворца культуры «Трехгорки» и композиция на вокзале в Звенигороде. Зато с каждым годом увеличивается количество живописных работ, а также — работ литературных. Книга представляет собой двухтомник. Собрание живописных работ со всеми иллюстрациями, интервью и статьями вошло в первый том. А второй включает в себя прозу писателя Ивана Лубенникова — путевые заметки, размышления об искусстве, воспоминания детства и т.д. — и называется просто и ясно «Книга для чтения».

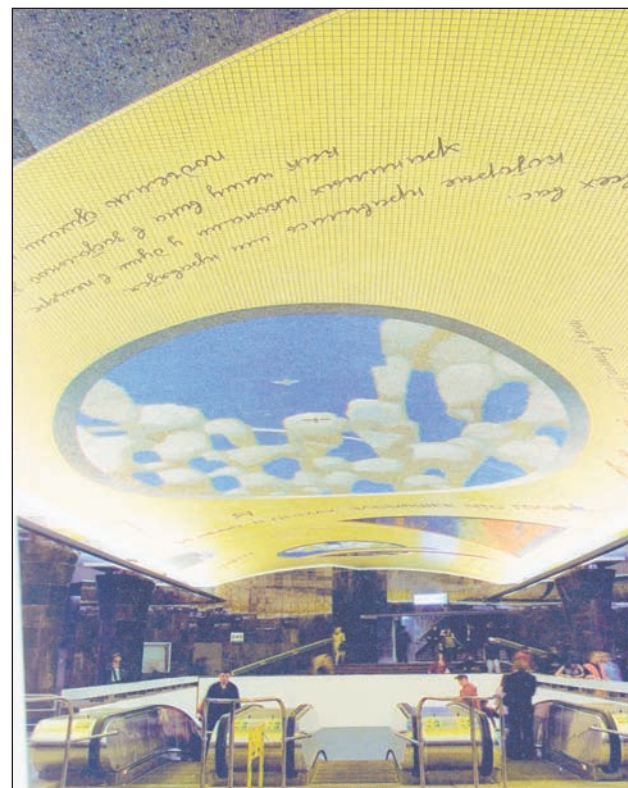
Государственный музей Маяковского, Москва, 1989 г.

«Канун весны», 1987 г.

Театр на Таганке, Москва, 1987 г.

Мозаики на станции метро «Маяковская», Москва, 2005 г.